

Литературный факт.
2023. № 3 (29)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (29), 2023

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-8-90>
<https://elibrary.ru/IFLLAA>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Георгики» Вергилия в переводе А.Ф. Воейкова. История создания и забвения

© 2023, А.Ю. Балакин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье реконструируются три этапа работы А.Ф. Воейкова над переводом «Георгики» Вергилия, предпринятого им «в соревновании» с переводами античной эпической поэзии А.Ф. Мерзляковым и Н.И. Гнедичем. Первоначально (около 1813 г.) Воейков переводил латинского поэта 6-стопным ямбом с перекрестной рифмовкой, во многом ориентируясь на французский перевод Жака Делиля (1769), считавшийся «образцовым». Но под воздействием инициированной эллинофилом С.С. Уваровым «полемики о гекзаметрах» Воейков примкнул к победившей точке зрения — о приоритетности передачи античного эпоса русским дактилическим гекзаметром, и переработал свой перевод, рассчитывая на успех и императорское благоволение, подобные тем, что снискала гнедичева «Илиада». Но несмотря на посреднические хлопоты В.А. Жуковского, Воейков никакой царской милости не удостоился. В конце 1810-х гг. он в третий раз кардинально меняет стратегию своего перевода «Георгики», стремясь к эквилинеарности и отказываясь от оглядки на опыт Делиля. Эта последняя редакция осталась неизданной и публикуется по архивной рукописи в Приложении к данной работе.

Ключевые слова: переводы поэтические, русский гекзаметр, «Георгики» Вергилия, А.Ф. Воейков, Ж. Делиль, С.С. Уваров.

Информация об авторе: Алексей Юрьевич Балакин — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7194-5461>

E-mail: balakin@inbox.ru

Для цитирования: Балакин А.Ю. «Георгики» Вергилия в переводе А.Ф. Воейкова. История создания и забвения // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 8–90. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-8-90>

Среди первых русских переводчиков Вергилия не было человека более случайного, чем Александр Федорович Воейков.

Он не знал латинский язык так основательно, как Гонорский, не обладал столь обширными познаниями в античной поэзии, как Мерзляков, его поэтический дар был гораздо более скромным по сравнению с Гнедичем или Жуковским. Однако ему первому удалось осуществить полный перевод на русский язык размером подлинника двух ключевых произведений античной литературы — поэм Вергилия «Буколики» и «Георгики».

1

В биографии Воейкова много белых пятен и темных мест. Собственно, вплоть до 1813 г., которым датируются первые подступы поэта к Вергилию, сведения о его жизни случайны и отрывочны.

Родился он, по-видимому, в 1779 г.¹, скорее всего, в Москве, хотя сам Воейков называл своей родиной Рязань². Образование он получил в Московском университетском пансионе, где учился с 1791 по 1796 г.; его сокурсниками были Василий Жуковский и братья Андрей и Александр Тургеневы. Возможно, к тому же времени относятся и первые литературные опыты Воейкова, но нам о них ничего не известно. Свидетельства о его учебе и о степени его компетентности в иностранных языках противоречивы. Благожелательный к Воейкову Е. Колбасин пишет, что он «был *первым учеником* Московского Университетского пансиона: имя его было записано на золотой доске пансиона. <...> Жуковский, человек чрезвычайно образованный, всегда завидовал его обширным сведениям, и в этом отношении, быть может, только один Карамзин, работавший над собою постоянно, был выше Воейкова» [7, с. 250]. Иную картину рисуют недоброжелатели Воейкова. Вот свидетельство Н.И. Греча: «Воейков имел природное остроумие и дар писать стихи, знал, [с грехом пополам], французский язык и более ничего»³. Ему вторит К.А. Полевой, утверждавший, что Воейков «был не образован, не знал ничего основательно, и не способен был ни заниматься, ни работать прилежно. <...> Воейков понимал французский язык, хотя говорил на нем плохо и с отвратительным акцентом; он прочитал не-

¹ См. его дневниковую запись, приведенную Е.Я. Колбасиным: «1836 г., августа 30, исполнилось беззубому Александру Федоровичу Воейкову 57 лет...» [7, с. 287]. Ср.: <Саутов В.И.> Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. Т. 4. С. 731.

² См.: «На родине моей — Рязани / Приятней для меня, чем в Питере, Казани...» (Российский музей. 1815. Ч. IV. № 10/11. С. 9).

³ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930. С. 633–634.

сколько книг, наслушался разговоров образованных людей — и этим ограничивалась вся собственная его образованность»⁴.

Окончив пансион, Воейков вступил в военную службу, в лейб-гвардии Конный полк, куда, согласно документам, был зачислен вахмистром еще в десятилетнем возрасте; в январе 1797 г. «произведен корнетом и по именному повелению переведен в Екатеринославский кирасирский полк», а в октябре 1801-го «по прошению уволен к статским делам»⁵.

Еще до формального исключения из службы Воейков обосновывается в Москве. В его доме около Новодевичьего монастыря собираются друзья-литераторы, знакомые по университетскому пансиону — братья Андрей и Александр Тургеневы, братья А.С., П.С. и М.С. Кайсаровы, В.А. Жуковский, А.Ф. Мерзляков, С.Г. Родзянко, С.М. Соковнин. 12 января 1801 г. здесь было провозглашено создание Дружеского литературного общества, которое хоть и просуществовало недолго, но оставило свой след в истории литературы. По-видимому, в ноябре того же 1801 г. собрания общества прекратились. Сначала на службу в Петербург уехал Андрей Тургенев, затем Москву покинули Андрей Кайсаров и Александр Тургенев. Однако дружеские вечера в доме Воейкова не были забыты. Как писал Ю.М. Лотман, «именно благодаря молодым спорам, искренности исканий начинающих поэтов Общество стало не только важнейшим событием в творческих биографиях его участников, но и вехой в развитии русской литературы» [10, с. 229]. Следует добавить, что в следующем 1802 г. Воейков и Мерзляков задумали издание своего журнала, приглашали к сотрудничеству Жуковского⁶, но проект не состоялся. Осенью того же года друзья уехали в Рязань. Как свидетельствовал современник, «А.Ф. Мерзляков, бывавши в гостях у А.Ф. Воейкова в сельце Малом, от Рязани на 8 верст отстоящем, переводил Освобожденный Иерусалим в беседке сада, подле которой впоследствии сделан памятник с надписью: *В обители дружкой родился Русский Тасс*»⁷.

Следующие десять лет — самый темный период биографии Воейкова, который можно реконструировать лишь по отрывочным

⁴ Полевой К.А. Сатирик Воейков и современные воспоминания о нем // Живописная русская библиотека. 1859. № 4. С. 28–29.

⁵ Формулярный список о службе бывшего ординарного профессора Дерптского университета Александра Воейкова. 1820 года // РО ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 35. Л. 1 об.–2.

⁶ См. письмо Мерзлякова к Жуковскому от 13 октября 1802 г. (Русский архив. 1871. Стб. 136–137).

⁷ Дамский журнал. 1826. № 12. С. 233.

свидетельствам. Какое-то время он живет в Рязани, принимая участие в литературных вечерах, проходивших в доме княгини Екатерины Александровны Волконской. Видимо, находясь в Рязани, Воейков дебютирует как поэт — посланием к М.М. Сперанскому, которое сразу принесло ему известность⁸. За ним последовали «К моему старосте», «К моим согражданам», «Послание к А.Н. В<оейковой>», «Послание к И.В. Л<опухину>» и другие стихотворения, поставившие Воейкова в ряд первых поэтов своего времени. Тогда же он начинает переводить поэму Жака Делиля «Садь», которая выйдет из печати значительно позднее, в 1816 г.

В то время он, по-видимому, еще не помышляет о переводах Вергилия, отдавая эту почетную обязанность своему другу Мерзлякову. Об этом свидетельствует стихотворный панегирик переводам Мерзлякова, напечатанный в 1808 г. под заглавием «Ответ приятелю, который убеждал меня учиться древним языкам»:

Конечно так, ты прав, мой друг любезной!
Узнать, как говорит Гораций и Платон,
Софокл и Теокрит, Вергилий, Цицерон
Приятно и полезно;
Послушался бы я
Совета умнова такова,
Необходимостью б то было для меня;
Когда бы не было у русских Мерзлякова⁹.

Здесь же примечание к этому стихотворению: «Мерзляков перевел Горациево послание к Пизонам о Стихотворстве, Вергилиевы Эклоги, лучшие места из Софокла и Еврипида, Аристотелю Пиитику, Теокритовы Идиллии и проч.»

2

Согласно свидетельству самого Воейкова, в Рязани он прожил двенадцать лет, однако, это едва ли не преувеличение¹⁰: какое-то время он проводил в Москве. В 1812 г. он находится при рязанском

⁸ Вопрос о принадлежности А.Ф. Воейкову стихотворений, опубликованных в 1797–1800 гг. в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена» за подписями «А. В.-в» и «А. Воейков», следует считать дискуссионным; см.: [13, с. 293–294; 9, с. 251–252].

⁹ Русский вестник. 1808. Ч. 2. № 4. С. 83.

¹⁰ Ср.: «Нижеподписавшийся родился в Москве, прожил 19 лет в Петербурге, шесть недель в Киеве, месяц в Одессе, семь месяцев в Царицыне, два месяца в Астрахани, 12 лет в Рязани...» (Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1835. № 76. 21 сент. С. 607).

гражданском губернаторе «по особо порученным делам», позднее переводится в действующую армию и участвует в военных действиях, за что позднее награждается медалью. После Воейков путешествует по Волге, больше полугода живет в Сарепте, доезжает до Астрахани. Сохранились фрагментарные дневниковые записи Воейкова этого времени: там он время от времени упоминает о своих литературных занятиях, но о переводах Вергилия речи пока не идет¹¹. Тем не менее к этому времени он уже начинает задумываться о переводах римского классика и в том же году публикует статью «Об описательных и дидактических поэмах, и в особенности о Вергилиевых “Георгиках”»¹², представляющую собой по большей части компиляцию фрагментов из предисловия Ж. Делиля к его переводу этой поэмы. Заканчивается она следующим пассажем:

Утвердительно сказать можно, что переводы знаменитых писателей более самых сочинений приносят языку пользы. Они, сближая нас с понятиями других народов, знакомят с способом выражать их, и нечувствительно переносят в наш язык тысячу оборотов, картин, выражений, которые прежде казались ему чуждыми; но которые, сближаясь по сходству, сперва делаются терпимы, а потом красоту составляют. Те, кои пишут на своем языке, употребляют обороты и выражения уже принятые, бросают свои идеи в старые и часто даже стертые от времени формы. Писать на своем языке, значит, если смею так выразиться, истощать собственное сокровище; переводить, значит обогащаться сокровищами чуждыми. Переводы для языка то же, что для ума путешествие¹³.

В конце 1813 г. Воейков получает приглашение Жуковского посетить его в селе Муратове, где тот оправлялся от полученной на войне раны. Хозяйкой Муратова была родственница Жуковского Екатерина Афанасьевна Протасова, с ней жили две ее дочери — Александра Андреевна и Мария Андреевна; первая из них вскоре станет женой Воейкова. К этому времени относится первое свидетельство того, что Воейков начал работу над переводом латинского классика. 6 января

¹¹ См.: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. № 95. Л. 140–141 об.

¹² Труды Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. 1812. Ч. 3. С. 51–69; перепечатано: Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 36. В комментариях к изданию переписки Жуковского и Вяземского ошибочно сказано, что в этой статье якобы началась публикация отрывков перевода Воейкова из «Георгик» (см.: [8, т. 1, с. 489], коммент. В.С. Киселева).

¹³ Это дословный перевод Делиля; ср., например: *Les Géorgiques de Virgile / traduites en vers français par De Lille: Édition à laquelle on a joint le texte latin avec les notes et les variantes.* Paris: An II de la République, [1794]. P. 47–48.

Жуковский сообщает Вяземскому, что перечитывает с Воейковым «начало его перевода Вергилиевых “Георгик”» [5, т. 15, с. 194]. По-видимому, тогда же Воейков сочиняет шуточное стихотворение «Дом сумасшедших», где в обращенных к себе строках также свидетельствует о том, что начал переводить Вергилия:

Тот Воейков, что Делиля
Столь безбожно исказил,
Истерзать хотел «Эмиля»,
И Вергилию грозил... [3, с. 52]

Вскоре в печати появляется первая публикация переводов из «Георгик» — заключительные 77 строк второй книги, и это шестистопный ямб с перекрестной рифмовкой¹⁴. Но затем случается событие, заставившие Воейкова пересмотреть свои переводческие принципы. 10 мая 1814 г. в Петербурге состоялось знаменитое заседание в «Беседе любителей русского слова», где произошла полемика по поводу возможностей русского гекзаметра между С.С. Уваровым и Н.И. Гнедичем, с одной стороны, и В.В. Капнистом — с другой. Если первые утверждали, что древний эпос на русский язык нужно передавать исключительно гекзаметром, то второй ратовал за так называемый «русский размер». Материалы этой полемики будут опубликованы только через год, но в № 23 «Сына отечества», вышедшем 4 июня, был помещен развернутый обзор (подписанный А.Т.), главным выводом которого было то, что мнение Уварова и Гнедича более справедливо:

Г. Уваров основывается на том правиле, что экзаметр есть стих, состоящий из шести стоп, из коих первые пять полные дактили, а шестая дактиль усеченный (т. е. *спондей* или *хорей*) и по сей причине полагает, что нимало не противно свойству экзаметра оканчивать оный хореем, и что Русские экзаметры г. Гнедича правильны во всех отношениях, тем более, что у Гомера и Вергилия многие экзаметры кончаются хореем, а не спондеями. Притом изложил он мнение свое, что авторов должно переводить размером подлинника, для того, чтоб передать другому народу и дух и форму их, вовсе между собою нераздельные, и что Гомер в Русском зипуне так же несносен, как во Французском шитом кафтане¹⁵.

¹⁴ Воейков А.Ф. Отрывок из Вергилиевых Георгик // Вестник Европы. 1814. № 7 (апрель).

¹⁵ Сын отечества. 1814. Ч. 14. № 23. С. 155.

Возможно, об этой полемике Воейков узнал не из журнала, а от своих петербургских корреспондентов¹⁶. Как человек честолюбивый и прислушивающийся к мнению сильных мира сего, к которым, несомненно, принадлежал Уваров, Воейков бросает переводить «Георгики» рифмованным ямбом и заново начинает свою работу — переводя уже гекзаметром. Впоследствии он так вспоминал о своем «обращении» в послании к Уварову:

И восхищенный Вергилием и ослепленный Делилем,
Юноша дерзкий, я перевел половину «Георгик»,
Мысля, что рифмой и новым и лучшим размером украсил
Песни Вергилия, коим в сладости нету подобных.

Честь и слава тебе, Уваров, славный питомец
Эллинских муз и германских! Ты, испытательно вникнув
В стопосложение греков, римлян, славян и германцев,
Первый ясно увидел несовершенство, и вместе
Способ исправить наш героический стих, подражая
Умным германцам, сбросившим иго рифмы гремушки.
Освободившим слух свой от стука ямбов тяжелых.
Я устыдился, бросил в камин свое земледелье;
Начал поэму сию и новым, и, сколько возможно
Мне было, к метру латинскому самым ближайшим размером¹⁷.

Тем не менее, перевод Делиля по-прежнему служит ему текстом-посредником¹⁸, из которого он обильно черпает развернутые сравнения и обороты, отсутствующие у Вергилия¹⁹.

¹⁶ Обоснование этого предположения см.: [3, с. 56].

¹⁷ [10, с. 282–283]; впервые: Вестник Европы. 1819. Ч. 104, № 5. С. 15–24; помета: *1818 года. Девят.* По наблюдению историка русского гекзаметра Роберта Бёрджи, это стихотворение по большей части является метрической парафразой статьи Уварова «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре» (Чтение в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68), которая открыла полемику о русском гекзаметре; см.: [16, р. 109–110].

¹⁸ На это намекнул знаток античной поэзии И.М. Муравьев-Апостол в письме к издателю журнала «Сын отечества», указав на две ошибки переводчика (см.: Сын отечества. 1817. Ч. 38. № 22. С. 113–115; подпись: Вахк Страбоновский). И хотя письмо Муравьева было сопровождено ответом издателя журнала Н.И. Греча, где содержался весьма комплиментарный отзыв о Воейкове-поэте («Переводчик Вергилиевых Георгик и Энеиды есть один из лучших наших стихотворцев...») — Там же. С. 116), тот счел необходимым ответить своему критику в самой грубой форме (см.: Вестник Европы. 1817. Ч. 96. № 22. С. 155–157).

¹⁹ Подробнее о принципах и методах Воейкова как переводчика см. в примечаниях В.В. Зельченко к готовящемуся в издательстве «Литфакт» полному собранию его переводов из Вергилия.

В 1815 г. Воейков переехал в Дерпт, где получил место профессора местного университета. Там он проживет пять лет, закончив за это время вторую редакцию «Георгик». О своих ночных бдениях над Вергилием он так вспоминал в «Послании к друзьям и жене»:

Отгнавши негу, лень и сны от ложа прочь,
Я встрепенувшись бегу в свой одинокий
И молчаливый кабинет...
<...>
И, окруженный тьмою,
Уединеньем, тишиною,
С согласия Харит и Муз
И вопросив Дашкова вкус,
Россиянам усыновляю
Вергилия, экзаметр и спондей...²⁰

В то же время Воейков пишет дидактическую поэму «Искусства и науки», где содержится высокая оценка Вергилия-поэта:

Вергилий сладостен, как флейта, как свирель,
Как соловьиная в лесу дремучем трель.
И кто с Дидоною не сострадал в несчастье?
Кто в Евриаловой судьбе не брал участие?
Изображает ли Вергилий бурю нам:
Гремит из края в край гром грозный по громам;
Ночь в полдень! молния за молниею с блеском!
Натруженный корабль со скрыпом, с страшным треском
То мчится выспры стрелой — и там висит во мгле;
То погружается в разинутом жерле!
К Циклопам ли ведет, кующим громы яры:
Шум слышится мехов и молота удары!
Живописует ли, как борзый конь бежит:
Дол стонет, пыль столпом от топота копыт!
К единоборству ль вождь против вождя несется:
Щит сгрянулся с щитом и меч с мечем сечется!
Орфей ли сходит в ад: Плутона умягчил;
Но, ах! в тот миг, когда на свет уж выходил...
Стал, оглянувшись он... и нету Евридики!
Как жаль, что сей Певец, столь сладкий, столь великий,

²⁰ «Арзамас»: Сборник: в 2 кн. М.: Худож. лит., 1994. Кн. 2. С. 330.

Рабом нередко вслед идет другим певцам,
Когда бы лучший мог пример оставить сам²¹.

Воейков оставил и теоретические размышления о свойствах гекзаметра. Этому посвящена большая часть упомянутого послания к С.С. Уварову; о том же он писал в письме к П.А. Вяземскому от 15 апреля 1820 г.:

Теперь, как Педагог и Педант, начну разглагольствовать об гекзаметрах. Ты пишешь: «Гекзаметры в Аббадоне, по моему уху, лучшие из русских. Они так хорошо, так достаточно исполняют уху». Не уж ли тебе не нравятся мои гекзаметры в послании к Сергею Семеновичу Уварову? Стихи Жуковского не потому хороши, что гекзаметры, а потому что Жуковского; пламень воображения, благородство мыслей, чистота чувствований, свежесть и блеск красок, сила, смелость, — вот, где надобно искать их превосходство перед гекзаметрами Амфитеатрова, Аполлонского, Филомавитского и Гонорского. Хороши или дурны мои стихи; но это настоящие, чистые, древние гекзаметры; я пишу это к тебе не краснеясь, потому что это не самохвальство, а чувство своего достоинства<sic!>, которое лучше притворного смиренства и основано на доказательствах. Отрывок Жуковского из Мессияды переведен не гекзаметрами, а дактило-хорейми; а пословица говорит: калитка и ворота — большая разнота; чулан и горница — великая разница.

Гекзаметр, или эпический стих Гомера, Виргилия и Тасса есть полнейший, разнообразнейший, делимейший и способнейший к звукоподражанию (*harmonie imitative*).

Полнота его состоит в том, что он имеет 17, 16, 15, 14 и никогда не меньше 13-ти слогов.

Разнообразие есть свойство, отличающее гекзаметр от всех других стихотворных размеров. Он имеет до 32 вариаций и до 16 разных цезур. Вот как Виргилий, сладкогласный певец Дидоны, Низоса и Эвфиала и Орфея, изменяет свои гекзаметры. Это начальные 15-ть стихов его Георгик, совершеннейшего его творения. <...>

Нередко и 5 стопа дактилическая переменяется на спондей. <...>

Об *делимости* и говорить нечего: стих, заключающий 17 слогов, без всякого сомнения делимее Александрийского, состоящего из 12-ти.

²¹ Воейков А.Ф. Отрывок из II песни поэмы «Искусства и науки» // Вестник Европы. 1818. Ч. 102. № 24. С. 250–251. Полную публикацию этой поэмы и историю ее создания см.: [2, с. 146–230].

Способнейший к звукоподражанию. Ясно, что 12-ти сложный стих, из одних ямбов составленный, не может заключать в себе столько переходов снизу вверх и сверху вниз по лестнице звуков, сколько 17-ти сложный из дактилей, спондеев и хореев.

Вещи в Природе бесконечно разнообразны; движения неисчислимо разнозвучны и разновременны; но ты согласишься, что 17-ью слогами лучше, нежели 12-ью выразить скорость, медленность, легкость, тяжесть, тихость, громкость, шероховатость, гладкость, твердость, мягкость, грубость, плавность, нежность, протяженность и краткость. <...>

Вижу отсюда, что ты качаешь буйною головкою в знак сомнения и спрашиваешь: полно, есть ли в русском языке спондеи? Я вытягиваюсь, как старый драбант, подхожу к тебе ближе, прикладываю правую руку ко лбу в знак уважения, и топнув ногою, начинаю читать...

Далее Воейков приводит несколько примеров спондеев у русских авторов (Державина, Дмитриева, Востокова, Жуковского), затем продолжает:

А следующие слова: по́днѣл, прѣвѣт, прѣдвѣщаѣт, по́лнеба, прѣзна́к, по́лсло́ва, прѣсту́п, прѣдѣ́дет, — прѣдмет, не уже ли об одном ударении? По какому праву по́л неба, пред идет, будучи написаны порознь имеют по ударению на каждом слоге, а слитые вместе теряют одно ударение?

Но ты высываешь язык, дразнишься, я замолчу; однако прошу тебя подумать²².

Однако практическое применение гексаметра Воейковым вызывало у современников критику, граничащую с иронией. «Не принимая в соображение свойств русского языка, которого просодия основана единственно на ударениях, — писал позднее М.А. Дмитриев, — Воейков желал отыскать в ней долгие и короткие звуки, которых нет, и потому печатал иногда свои гексаметры, ставя на слогах знак слога долгого, посредством чего он находил и небывалый у нас спондей. Само собою разумеется, что такая неестественная натяж-

²² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1602. Л. 14–16. Схожие суждения Воейкова о гексаметрах частично процитированы, частично пересказаны Н.Ф. Остолоповым в его «Словаре древней и новой поэзии» (Ч. 1. СПб.: В тип. Императорской Российской Академии, 1821. С. 321–333) с указанием: «Сим рассуждением обязан издатель самому А.Ф. Воейкову, ибо оно нигде еще не напечатано» (Там же. С. 333).

ка, противная натуре языка, не могла ему удасться и произвести последователей»²³.

3

Гекзаметрические переводы из «Георгик» Воейков начал публиковать в августе 1815 г., публикации продолжились и в 1816 г. Все их он датировал 1812-м г., временем своего путешествия по России: 20 августа 1812, Харьков²⁴; 24 августа 1812, Екатеринослав²⁵; 5 сентября 1812, Таганрог²⁶; 12 сентября 1812, Воронеж²⁷; 17 сентября 1812, Тула²⁸; 20 сентября 1812, Калуга²⁹; 27 сентября 1812, Леташевка³⁰. Однако, как мы показали выше, есть все основания считать эти датировки фиктивными. Напомним, что только в 1813 г. Воейков начал переводить «Георгики», причем шестистопным рифмованным ямбом, а приверженцем гекзаметра стал лишь в следующем году. Кроме того, эти датировки недостоверны не только в абсолютном, но и в относительном аспекте: так, согласно Воейкову, несовершенный амфибрахический перевод начала первой песни (I, 1–146) отделен всего четырьмя днями от дактилических опытов, выполненных уверенной рукой и стоящих на другом уровне стихотворной техники. Видимо, таким жульническим способом он хотел застолбить за собой мнимый приоритет в употреблении русского гекзаметра для переводов античных авторов, поскольку первые гекзаметрические переводы Гнедича из «Илиады» были опубликованы только в 1813 г. Отчасти ему это удалось: в сознании современников Воейков и Гнедич встали рядом. Так, харьковский филолог Разумник Гонорский писал в статье «О русском экзаметре»: «Желательно, чтобы по крайней мере древние (для перевода которых преимущественно и нужен экзаметр) были у нас переведены стихами сего рода. Таким только способом можно дать лучшее понятие тем, кому неизвестны греческий и латинский языки. От гг. Гнедича и Воейкова мы с нетерпением ожидаем

²³ Дмитриев М.А. Московские элегии: Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. М.: Моск. рабочий, 1985. С. 274

²⁴ Вестник Европы. 1815. Ч. 82. № 16 (I, 1–146).

²⁵ Там же. 1816. Ч. 87. № 11 (I, 147–334).

²⁶ Там же. 1816. Ч. 87. № 10 (I, 351–514).

²⁷ Там же. 1816. Ч. 87. № 9 (III, 1–112).

²⁸ Труды Казанского общества любителей отечественной словесности. Казань: В Ун-тской тип., 1815. Кн. 1. С. 267 (II, 1–108).

²⁹ Вестник Европы. 1816. Ч. 90. № 21 (III, 284–413).

³⁰ Там же. 1816. Ч. 89. № 19/20 (III, 414–566).

сего удовольствия; они преимущественно, как это можно видеть из их опытов, избрали для себя сие поприще»³¹.

В 1817 г. Воейков закончил свой перевод и стал хлопотать о том, чтоб представить его императору Александру I и, соответственно, получить какое-нибудь благоволение — орден или хотя бы перстень. Разумеется, посредником выступил Жуковский, который уже к тому времени полностью охладел к своему бывшему другу, но помогал ему ради его жены Александры Андреевны. 24 февраля он писал Александру Тургеневу: «À propos о Воейкове. Получил ли ты от Кавелина список его “Георгик”, и решился ли что-нибудь сделать по моей просьбе? Ты не для одного меня должен похлопотать о Воейкове. <...> ...Воейков, как русской поэт, достоин всякого одобрения. Он имеет истинное дарование и с этим дарованием соединяет трудолюбие постоянное. До сих пор его перевод “Садов” есть, без всякого сравнения, лучшая поэма на русском языке. Перевод Virгилиевых “Георгик”, при всех недостатках, которые можно в нем заметить и которые он со всем усердием старается из него выгнать, есть также важное произведение русской поэзии; он хочет *посвятить себя* Virгилию. Он стоит поощрения уже и за один этот план. Но этот план отчасти исполнен³². Кто ж откажет ему в праве на внимание государя?» [5, т. 15, с. 534]. Свою просьбу он повторяет и в конце марта, благодаря Тургенева за хлопоты: «За Воейкова благодарю сердечно. Ливен³³ уже сказал ему, что получил от тебя книги. Не оставь же этого дела недоконченным. Когда возвратится Ливен в Петербург, заставь его подать книги министру, а сам работай и помни: нам надобен не подарок, а крест. Если крест дан Гнедичу за *недоконченную* “Илиаду”, то как не иметь его Воейкову за *доконченные* “Сады” и “Георгики”. Ты можешь хлопотать со всем усердием, ничего, кроме справедливого, от тебя не требуется» [5, т. 15, с. 538]³⁴. С тем же

³¹ Гонорский Р.Т. Опыты в прозе, с присовокуплением двух сонетов, двух романсов и одной фантазии. Харьков, 1818. С. 63–64. Гонорский был также автором пространной, но оставшейся незаконченной рецензии на публикации фрагментов «Георгик» (см.: Гонорский Р.Т. Нечто о переводе Virгилиевых «Георгик» русскими гекзаметрами // Украинский вестник. 1817. Кн. 2. С. 152–181; Кн. 4. С. 51–69). Ср. мнение Роберта Бёрджи, назвавшего Воейкова следующим гекзаметристом после Третьяковского, и утверждавшего: «В течение второй половины 1812 г. Воейков перевел значительные отрывки из “Георгик” Вергилия, которые не публиковал до 1816 г. ...» [16, р. 92].

³² В первой публикации «...отчасти уже исполнен» (Русский архив. 1867. Кн. 5/6. Стб. 817).

³³ Граф К.А. Ливен был попечителем Дерптского учебного округа.

³⁴ На это письмо Тургенев ответил 18 апреля: «Скажи Воейкову, что лучше дожидаться сюда Гр.<афа> Ливена. Но если он захочет и оттуда представить книги его министру, то еще лучше. В таком случае предварите меня» [15, S. 369].

он обращался и к Д.А. Кавелину, бывшему в то время директором Главного педагогического института³⁵.

Тургенев не особенно старался повесить крест на шею переводчика «Георгик»: еще в марте он отправил Воейкову письмо, где содержались ироничные, оказавшиеся пророческими строки: «*Александр* хоть царь и отец; но не дает чинов за овец!». Воейков ответил эпиграммой, из которой следует, что он рассчитывал получить за свой перевод орден св. Анны:

Когда Георгий на коне,
Владимир часто на корове,
А Невский Александр на дедушке Ш<ишков>е,
Повисла Анна на Х<востов>е,
(Чего не воображал он даже и во сне!),
То не просить, а *требовать* я смею,
Чтобы проказница мне бросилась на шею:
Вергилий мой посол за нею!³⁶

Однако усилия влиятельных друзей были напрасны: Воейков не получил за свои труды ничего. Этот отказ мстительный переводчик Вергилия, очевидно, воспринял очень болезненно и на всю жизнь затаил неприязнь к Гнедичу, труды которого были оценены императором выше, чем его. Так, спустя двадцать лет, уже после смерти Гнедича, он не упустил возможности уязвить его в примечании к рецензии на «Ундину» Жуковского, опубликованную в редактировавшейся им газете «Русский инвалид»: «*Гнедичев* экзаметр однообразен, не имеет ни гармонии, ни мелодии. После него можно еще несколько раз смело переводить *Гомерову* Иллиаду. Тех, которые в этом усомнятся, мы попросим сравнить гексаметры *Гнедича* с сладкозвучными, великолепными гексаметрами Жуковского, в его Гальционе и отрывках из Иллиады, напечатанных в альманахе *Северные Цветы*, на 1829-й год *Дельвихом* изданном»³⁷.

³⁵ См. письмо Кавелина к Жуковскому от конца февраля – начала марта 1817 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 110; и примеч. Р.В. Иезутиной, с. 111).

³⁶ РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 3. Ед. хр. 36; дата: 12 марта 1817.

³⁷ Русский инвалид. 1837. № 82. 2 апр. С. 331. Не стоит удивляться в целом благоприятному отклику Воейкова на вышедший в 1821 г. отдельной книгой перевод «Георгик», выполненный С.Е. Раичем (Виргилиевы Георгики. Перевод А.Р. ... М.: В тип. Августа Семена, 1821. 181 с.; *Воейков А.Ф.* Разбор Виргилиевой поэмы «Георгики или о земледелии», переведенной с латинского на русский язык г. Раичем // Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 39. С. 258–275; № 40. С. 309–321; Ч. 73. № 45. С. 218–223; № 46. С. 267–272): он не увидел в Раиче конкурента, поскольку

Видимо, неудача с получением царской милости заставила Воейкова вновь пересмотреть свои переводческие принципы и снова засесть за работу. К началу 1820-х гг. он заканчивает третий перевод «Георгик», выполненный уже почти без оглядки на Делиля. От прежнего в нем остаются лишь отдельные фрагменты, которые, очевидно, сам переводчик считал наиболее удачными. Сам же перевод максимально ориентирован на латинский подлинник и по возможности эквилинеарен³⁸. Таким же образом Воейков перевел начало «Энеиды»³⁹, а вот переведенные позднее и снабженные примечаниями «Буколики» во многом зависят от французского прозаического перевода, выполненного в 1743 г. П.-Ф.Г. Дефонтемом⁴⁰.

4

Почти до самой смерти Воейков не оставлял попыток издать свои переводы из Вергилия отдельной книгой⁴¹. При этом он не хотел вкладывать в издание собственные средства, но искал способ выпустить их за казенный счет — подобно тому, как была издана гнедичева «Илиада». Еще в 1819 г. Воейков был избран в члены Российской академии по предложению ее президента А.С. Шишкова, который, представляя его кандидатуру, писал, в частности, так: «Преложение его стихами двух знаменитых творений, а именно Виргилиевых *Георгик* и Делилевой поэмы *Сады*, тажеж и многие собственные его

его перевод был осуществлен александрийскими стихами. О статье Воейкова, большая часть которой представляла собой выписки из рецензируемой книги (что станет потом фирменным приемом Воейкова-журналиста), с возмущением писал П.А. Вяземский к А.И. Тургеневу 23 ноября 1821 г.: «Хороша критика Воейкова поэме Раича! Это грабеж: целиком дерет из него и только. И чем кончат: определением присутственного места, то есть, без всяких доводов, оговоров, а так в силу *быть по сему*: “Воейков”. И зачем назвал он свою критику: “Разбор поэмы”; лучше: *Набор поэмы*. Ненавижу это шарлатанство Гостинаго двора в литературе!» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. С. 229).

³⁸ В своей записке «О сочинениях и переводах А.Ф. Воейкова, члена Императорской Российской академии», составленной 24 июля 1824 г., он указывал: «Все творения знаменитого Римского Поэта переведены стих в стих и метром подлинника» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. № 960. Л. 1).

³⁹ Вестник Европы. 1817. Ч. 92. № 7.

⁴⁰ Этот перевод был полностью опубликован в 1821–1826 гг. в журналах «Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» и «Новости литературы», а также газете «Рецензент» и «Невском альманахе» (подробнее см.: [1, с. 270–271]; ряд публикаций здесь не учтен).

⁴¹ Во многих авторитетных изданиях ошибочно упоминается издание «Эклоги и Георгики» в переводе Воейкова, якобы вышедшее в Петербурге в двух частях в 1816–1817 гг. (см., в частности: [12, с. 456], статья А.М. Пескова; [11, с. 379], коммент. Г.Е. Потаповой; [5, т. 1, с. 674], коммент. О.Б. Лебедевой; [5, т. 15, с. 964], коммент. А.С. Янушкевича). Эта ошибка основана на некорректной трактовке сведений из автобиографии Воейкова (см.: РО ИРЛИ. Ф. 31. Ед. хр. 37).

сочинения показывают в нем человека трудолюбивого, одаренного талантами и в русском языке искусного, а потому и полагаю я, что академия избранием его как ему окажет должное, так и в нем приобретет полезного себе сочлена» [14, с. 85].

Воейков активного участия в делах Академии не принимал, но в 1833 г., вскоре после смерти Гнедича, напомнил о себе, предложив издать за академический счет свои переводы. В ответ на это Академия предложила ему представить свои переводы для рассмотрения и оценки; провести, так сказать, предварительное рецензирование. Честолюбивому Воейкову это предложение показалось оскорбительным. 6 февраля 1834 г. он писал непременно секретарю Академии П.И. Соколову:

Перевод Илиады *Гнедича* не был предварительно рассматриваем в российской академии: справедливо ли же мой перевод *Виргилия* подвергать оному?

Предложение Гнедича требовало бы быть прежде рассмотрено, а потом уж одобрено к напечатанию на иждивении академии: поелику тогда уже существовал перевод некоторых отрывков сей поэмы В.А. Жуковского, превосходнейший *Гнедичева*. Между тем как таких переводов из Георгик на русском языке нет еще.

Снисходительное великодушие господ членов российской академии устранило сию неприятность для знаменитого своего сочлена. <...>

Вместо же того, чтобы обсуживать мой перевод в общем академическом собрании, не полезнее ли будет, по получении мною согласия академии на печатание оного на ее иждивение, составить комитет из действительных членов: Владимира Ивановича *Панаева*, Михаила Евстафьевича *Лобанова* и Бориса Михайловича *Федорова*, известных изящным вкусом и отличными стихотворениями? Я надеюсь, что они не отрекутся сделать мне честь сию. В сем комитете мы — с латинскими и немецкими *Георгиками* в руках — прочитаем сперва десять эклог, а потом четыре песни поэмы *Земледелие*; я же постепенно буду исправлять все по их замечаниям, и по мере того препровождать в типографию императорской российской академии для печатания [14, с. 86–87].

Академия согласилась с выбором Воейкова, но предложила рассматривать его перевод официально; переводчик же счел, что эти условия «тягостны и унизительны». Изображая смирение, он ответил: «Пусть Эклоги, Георгики и Энеида, которую также переложил

я с латинского, стих в стих и часто даже размером Virгилиевым (где у него подражательная гармония)⁴², покоятся у меня в шкатулке до благоприятнейшего времени» [14, с. 88]. Академия однако проявила упорство и в третий раз просила Воейкова прислать его перевод, на что получила отказ. «На почтеннейшее отношение вашего превосходительства от 16 апреля за № 53, — писал Воейков Соколову 12 мая 1834 г., — имею честь уведомить вас, — для донесения императорской российской академии, — что если б я был *посторонний* сочинитель или переводчик, то, может быть, и согласился бы исполнить волю академии; но как я *действительный* член ее, то не могу принять условий, ею мне предписываемых. Я чувствую всю высоту моего звания, — и не унижу оно: потомство взыщет с меня за несовместную уступчивость» [14, с. 89]. Возможно, именно этот конфликт стал причиной тому, что в «Доме сумасшедших» появилась очень резкая строфа о Соколове⁴³.

Таким образом, заключительная, третья редакция воейковского перевода «Георгик» выпала из поля зрения историков литературы; о ней не упомянуто даже в недавней «Истории русской переводной литературы»⁴⁴. Ниже печатается эта редакция перевода по авторизованной копии, выполненной, вероятно, в начале 1820-х гг. и сохранившейся среди бумаг душеприказчика Воейкова М.М. Попова⁴⁵.

⁴² Неясно, в каком объеме Воейков перевел «Энеиду»: кроме названной выше публикации «Вестника Европы» (см. примеч. 39 к данной статье), никаких следов дальнейшей работы над текстом до нас не дошло.

⁴³ Черновой автограф этой строфы см.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1186. Л. 12 об. Однако, в авторизованные или восходящие к ним списки «Дома сумасшедших» строфа про Соколова не попала; см.: [4].

⁴⁴ См.: [6, с. 654–656] (автор раздела А.В. Волков).

⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 500 (Первый перевод Virгилиевых «Георгик»). Бумага 1818 г., список (кроме л. 1–1 об.) выполнен той же рукой, что и список первых двух частей поэмы «Искусства и науки» (о его датировке см.: [2, с. 161]). Правка Воейкова на л. 9, 9 об., 10, 10 об., 12, 33 и 37; кроме того, им пронумерованы строки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публий Вергилий Марон. «Георгики»
Перевод А.Ф. Воейкова¹
Подготовка текста А.Ю. Балакина и В.В. Зельченко

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

- Что виной изобилия нив, под какими звездами
Землю плугом взрывать, Меценат! виноградную лозу
С вязом младым сочетать, ходить за быками,
Стада пастырем быть и пчел разводить домовитых,
В песнях я дам наставленья. Вы, лучезарны светила,
В стройном чине ведущие год по лазурному своду!
Либер и щедрая мать Церера, желудь Хаонский,
Вам благодеющим, в тучный клас превратился; вы гроздий
Найденных сок примешали в чаши с водой Ахелоя!
- 10 Вы, божества, земледельцев хранители, легкие фавны,
Вместе ко мне поспешите, и фавны и девы-Дриады —
Ваши дары я пою! Ты, тяжким ударом трезубца
Длинного в землю создавший коня, который и ржет и трепещет,
Мощный Нептун! Ты, хранитель лесов, кому на богатом
Острове Цее триста тельцов оснеженных пасутся,
Сам прииди, оставя родные рощи Лицея,
Пан, страж агнцев! Если Менал тебе мил, то будь мне,
Бог Тегейский, доступен! Сотворшая мирну оливу
Ты, о Минерва! ты, юноша, плуг кривый изобретший!
- 20 С вырванным ты, Сильван, молодым кипарисом из корня!
Боги, богини полей, холмов и долин плодоносных,
В диких полях незасеянных нам дающие жатву,
Нивам засеянным дождь благовременный льющие с неба!
Ты же, хотя и сокрытое, место в совете бессмертных,
Цесарь, займешь: градов ли будешь надежный хранитель,

¹ Печатается по авторизованной копии: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 500. Явные ошибки переписчика исправлены без оговорок, конъектуры заключены в угловые скобки. Орфография подлинника частично сохранена; пунктуация модернизирована в тех случаях, когда она затрудняла восприятие текста.

- Свыше о них промышляя? вселенной ли правя,
Жатвы, времен годовых и погоды могущий податель
Будешь и матерним миртом скрании ты увенчаешь?
Бог ли безбрежного моря, один мореходцев обеты
30 Приемлешь<sic!> и крайнего острова Туле станешь владыкой?
В зятя ль Фетидою избран, все воды в вено получишь?
Или, созвездие ново меж звезд удивленных, прибавишь
Месяц в году и близь Эригоны блистать пожелаешь?
Знойный тогда Скорпион клешни отодвинет далеко,
Праведно в небе тебе уступая великое место!
Что б ты ни выбрал (Тартар тебя не имеет надежды
Видеть царем; ты не можешь питать столь жестоких желаний;
Пусть Елисейским полям удивляются греки и зову
Матери внять Прозерпина, пленившаяся их красотой, не хочет),
40 Будь мне вождем, улыбнись начинаниям смелым и сжался
Над земледельцами; в путь, доселе неведомый ими,
Мы поведем их: заране обеты внимать приучайся.

- Ранней весною, как с гор оснеженных вода покатится,
Как разрешит зефир согнившие глыбы сухие,
В пыльной земле пусть сошник засверкает, и вол работающий
Громко взревет и потащится по полю с плугом тяжелым.
Нива сторичным плодом наградит за труды селянина,
Дважды терпевшая зной и дважды терпевшая мразы;
Рухнут анбары под бременем тяжким пшеницы и жита.
50 Прежде чем плугом кривым раздирать незнакомую землю,
К ветрам ты применись, наблюдай перемену погоды,
Лучшее средство возделатъ узнай и обычаи места.
Почва одна способна к тому, другая к другому;
Здесь виноград крупнее, тут пшеница богатей,
Там плоды изобильней, тут зеленеют без сева
Травы. Видишь ли, Тмол посылает нам ароматы,
Индия кость слоновую, Савва бесценное мирро,
Понт струю бобра, нагие Халибы железо,
Славный Эпир готовит коней для торжеств Олимпийских?
60 Вечен природы устав: она особенным даром

- Каждый край земли наделила, в первое время
После потопа, как мир опустелый, камни посеяв,
Девкалион заселил человеками, крепкими сердцем.
Кряж плодоносный в первых месяцах года волами
Сильными должно глубоко взвorchать и сочные глыбы
Долго на солнечном зное пыльного лета оставить.
Кряж истощенный и бедный, напротив, оставить в покое
Лучше до восхода Арктура и плугом взрыть неглубоко:
Чтобы в первом семях не губили вредные травы,
70 Чтоб в последне<м> хранилась потребная добрая влага.
- Ниве по жатве богатой да будет лето покоя:
Отдых опять обновит ее изнуренные силы.
Круг совершившим звездам, сей пшеницы желтые зерны,
Где ты срывал лишь горох, щелухою гремещий,
Или бобов легкие стручья, где видел лишь горьких
Ягод лупина звенящую тонкими стеблями рощу.
Лен, овес, мак, тяжким Леты сном напоенный,
Землю, на коей растут они, совсем истощают;
Но облегчает ей трудность работы отдых урочный.
80 Тучным наземом усыпь, не стыдись, изнуренное поле,
Или густо покрой его нечистой золою.
Сев переменный также есть отдых: терять уж не нужно
Выгод тогда, паровое поле гулять оставляя.
- Столь же полезно огонь подложить на тощее поле
И сжигать трескучим пламенем легкое жниво:
Пламень или откроет в земле сокровенные силы,
Или питательный тук извлечет из нее и задушит
Свойства дурные, или изгонит вредную влажность;
Или, расширив тайные входы, откроет дорогу
90 Жизненным сокам к нежным и тонким волокнам кореньев;
Или, верхний слой отвердя и разверстые жилы
Сжав, заключит с боязнию<sic!> входы, которыми наглый
Ветр, зной, дождь, мраз в лоно земли войти порывались.
-

Кто разбивает граблями глыбы ленивые в поле,
Кто боронит, тот плодородие нив облегчает;
И не погибнут труды его, свыше Церере смотрящей.
Также того, кто поднял высоко хребет своей нивы,
Новы бразды поперечные плугом проводит и, глыбы
Вздутые все раздробив, принуждает к щедрости землю.

- 100 Влажного лета и ясной зимы себе умоляйте,
О земледельцы! пылью зимы веселится пшеница,
Поле добреет: зима виной, что Мизиец гордится
Жатвой и Гаргар сам удивляется нив урожаю.

Как похвалю земледельца, который, посеяв, осмотрит
Ниву и в пыль разбивает глыбы скипевшейся глины;
Тонкими нитями воду из ближней реки к ней проводит;
Вот, на палящем жару умирающи травы увидя,
Он с вершины горы ключевую приводит поспешно
Воду; ключ живой, меж камней шумно журчащий,

- 110 Падает вниз и жаждущей ниве приносит прохладу?
Как похвалю я того, кто, боясь, чтоб не пал под тяжелым
Класом стебель, дает полей роскошную зелень
Стаду, тогда как едва застиляет черную пашню;
Кто очищает нивы от вредной влаги болотной
Или от тины, котор<о>ю, берег позабывши в разливе,
В непостоянные месяцы года река очерняет
Ниву и луг, а рвы наполняет смрадною влагой?

Часто гибнет работа волов и труд человек;
Труд неисчетный, с которым они обработали ниву!

- 120 Нивам — гусей, журавлей из Стримона пагубна хищность,
Горькие травы и тень вредоносны. Сам Зевс поселянам
Труд облегчить не хотел и, первый искусством
Землю возделав, заботами дух возбуждая человек,
Царь — под собой закоснуть не дозволил в праздности тучной.

Прежде его ни один человек свободного поля
Плугом не взрыл, ни один не ведал границ и раздела:

- Общее все! вообще плоды собирали и ими
Щедро снабжала земля без всяких забот и усилий.
Зевс изострил ядовитой змии шипящее жало,
130 Тихое море взмутил, волков устремил на добычу,
Скрыл огонь и мед отряхнул он с листьев древесных;
Зевс иссушил ручьи вина, протекавшие всюду.
Но размышленье и опыт с веками пришли, и искусства
Мало помалу открыли промышленность снова:
Брызнул огонь из кремня, и нашлась меж травами пшеница.
В первый раз увидели ольху дуплистую реки;
Кормчий звезды исчислил, нарек их Плеяды, Гиады,
Светлую дочь Ликаона созвездьем Медведицы назвал.
Лес тенетами обставлен, птицам силок уже брошен;
- 140 Дикого зверя в дубраве с лаем псы осадили;
Уда в реку, и в море закинута влажная мрежа;
В лад по железу бия, стучат ковачи молотами;
Зубы пилы, зацепляясь, скрипят и древа раздирают
(Древле с трудом человеки клиньями их рассекали!);
Так трудолюбие все побеждает, над всем торжествует;
Мать всех полезных изобретений есть нужда.
- Плугом железным всех прежде Церера людей научила
Землю взрывать, когда желудей и диких плодов уж в священных
Рошах не стало и смертных питать отказалась Додона.
- 150 Скоро и около жита надобно стало трудиться:
Ржа пожирать устремилася стебли, волчек безболезный
Вырос, жатва заглохла на ниве; колючая роща
Терний царствует между блистающих класов,
Гибельный куколь и дикий овес, истощающий нивы.
Будь неусыпен, граблями землю тревожь беспрестанно;
Стуком птиц пугай, блестящей с нивы косою
Тени гони и моли богов об дожде благодатном;
Или, скирдам соседа завидуя, вынужден будешь
В лесе, дубы потрясая, с древ желудями питаться.
- 160 Время исчислить подробно орудия жителей сельских,
Столь облегчаючи жатву, посев, молотьбу земледельцам:

Острый сошник, тяжелый плуг, из дуба согнутый,
Трудно возимый снаряд колесниц Элевзинской богини,
Дровни, каток, борона, неровная весом, орудья
Разного рода, Целеем изобретенны, из гибкой
Вербы кошницы и веяльница таинственна Вакха.
Все сие приготовь заранее, ежели хочешь
Ты достоин быть земледельца божественной славы.

170 В роще срубленный вяз и согнутый силой основу
Плуга кривого тебе, рукоять к нему образует;
В восемь локтей длиною приладь вязовое дышло;
Снизу ж к оралу с двумя хребтами две палицы светлых;
Легкую липу сруби на ярмо для волов и высокий
Бук на правило, которым плуг поворачивать сзади.
Все сие древо повесь на очаг, чрез дым искушая.

Множество правил старинных и мелких с пользой напомнить
Я здесь могу, если тебе их слушать не скучно:
Ток ли желаешь иметь на гумне? приготовь же ты место;
Гладко и ровно катком укатай и вязкою глиной
180 Щели замажь, чтоб трава не могла прорости сквозь расселин.
Бойся привлечь на гумно беспечностью гибель: нередко
Домы и житницы строит малая мышь под землю;
Там слепые кроты вырывают норы и отнорки;
Часто в трещинах жаб находят, в сырости разных
Гадов; там собирающий груды пшеницы и жита
Хлебный червь, муравей, запасающий к старости зерны.

Будь наблюдателен! если увидишь миндальное древо
Цветом душистым одетое, если тяжелые ветви
Вниз опустило и много плодов на нем завязалось,
190 Радуйся жатве богатой, цепам тут довольно работы!
Если ж богатое тенью, скудно цветами, то будешь
Бить на току без пользы снопы: в них пустая солома!
Часто видал я селян, пред севом зерны кропящих
Влагой селитрянной, черным густым отстоем елея:
В самом деле разбухнет зерно: обманчивый призрак!

- Часто на легком огне семена обмывают водою,
В лоне земли помогая росткам разверзаться: все тщетно!
Часто видал я, мелеют самые крупные зерны,
Если не выберешь лучших семян ежегодно для сева.
- 200 Мнится, рок осудил, чтоб все здесь клонилось к упадку:
Смертный есть кормчий, заботливо челн направляющий к цели
Против стремления быстрой реки, колыхаем волнами:
Руку ль опустит, усталый? вмиг увлечен быстрину!
- Звезды вожди поселян: им Медведицы блеск лучезарный,
Светлый небесный Дракон и золотая звезда Козерога
То ж, что пловцам, летящим в отчизну по бурному Понту
Иль по проливу Абидскому, славному множеством устриц.
- Светлым Весам часы и дни уравнившим,
Свету и тьме пополам круг наш земный разделившим,
- 210 Сей ячмень: вот работа волам и селянам, доколе
Поздние хлынут дожди и солнце к зиме поворотит.
В это же время сей лен, мак Церерин, и рыхло
Их запаши, не давая отдыха плугу, доколе
Сеvu погода благоприятна и тучи нависли.
Сев бобов весною; тогда и трилиственник можно
Также браздам поверять. За пшеном труды годовые
Снова начнутся, как белый Телец золотыми рогами
Году врата отопрет и созвездие Пса закатится.
Если же, в землю бросая пшеницу и крепкое жито,
- 220 Ты предпочтительно требуешь тучных колосьев от нивы,
Дай, чтоб Плеяды, поутру всегда заходящие, скрылись,
Дай, что венец Ариадны до солнца потухнул;
Прежде того не бросай семян: их принять не готовой
Ниве не в пору верить и года надежду.
Многих, прежде заката Май сеять начавших,
Рослое жниво за скорость пустой шелухой наградило.
Срок настоящий для сева презренных бобов, для гороха,
Срок чечевице Египетской, если ее ты не презришь,
Светлый закат Воота укажет: тогда начиная
- 230 Сеять, до самой ты половины зимы продолжай без боязни.

- Вот для чего на двенадцать частей разделенный звездами
Путь золотое светило проходит и правит вселенной.
Боги климаты земли отделили пятью поясами:
Первый в середине всегда сожигает пламенным солнцем;
Два на краях земли, и справа, и слева, покрытых
Льда голубыми громадами, мраком туч дожденосных;
Два между хладом и зноем даны богами в жилище
Слабым смертным. В середине солнца путь лучезарный
Косвенно мимо ряда созвездий всех пролегает.
- 240 Мир к стороне гор Рифейских и скифских пределов
Выше, а в Ливии к югу приметно становится ниже.
Сей полюс всегда нам открыт, другой под ногами
Нашими — виден мрачным Стиксом и тенями ада.
Там огромный Дракон, подобно реке изгибаясь,
В светлых извилах своих заключает созвездья Медведиц,
Низко висящих, боящихся быть поглощенными морем.
Там, по мнению многих, или безмолвие ночи
Вечной и тма распростерта густая черной завесой;
Или Аврора, от нас удаляясь, там день зажигает
- 250 И поутру, как мы коней востока слышим дыханье,
Там зажигает светильник свой Веспер на западе новом<sic!>.
Так по небу, хотя и сомнительно, бурю и ведро
Может узнать земледелец, срок для посева и жатвы,
Срок треволненное море легкими веслами пенить,
Срок выдвигать окрыленные флоты из пристани тихой,
В дебрях высоких ссекать величавые, стройные сосны.
- Мы не вотще созвездий восход и закат наблюдаем,
Так как и год, на четыре части равно разделенный.
Если холодный дождь и удержит оратая дома,
- 260 Он совершает прочнее и лучше то дело, которым
В ясные дни поспешил бы: плуга точит железный
Зуб притупившийся, чолн из дуплистого дерева долбит,
Стадо клеймит и хлеба число замечает на бирке,
Колья острит для забора, готовит вилы двойчатки,
Ставит подпоры для гроздий своих из ив Америкских,

Или из гибкой красной вербы сплетает кошницы,
Жарит хлебные зерны и мелет их жерновами.
Есть работы, которые в праздники нам позволяют
Самый закон и приличность: ручки проводить ни в единой
270 Вере нет запрещенья; плетень заплетайте вокруг нивы,
Птицам ставьте силки, сжигайте иглистый терновник,
Стадо блеющих овец купайте в целительной влаге.
В праздник погонщик хребет осла ленивого маслом,
Овощем или плодом нагружает и, возвращаясь,
Камень жерновный иль черную смолу из града привозит.

Ход луны означает щастливые дни для работы;
Бойся пятого дня: Эвменид и Орка рожденье
Видел сей день; земля изрыгнула с преступным усильем
Цея, Тифея, Япета; братьев, которые в грозном
280 Буйстве небо себе покорить поклялись — и трижды
С страшным усильем горы катая, на верх Пелиона
Ставили Оссу, на Оссу лесистый Олимп громоздили.
Трижды громами Зевс рассыпал взгроможденные горы!
Благоприятен семнадцатый день саждению гроздий,
Тканей основе, волов укрощенью; девятый погибель
Хищникам ставит; но путникам он покровитель в дороге.

Многие в хладную ночь работы идут успешней;
Многие утром, восточной звезде рассыпающей росу.
Луг и солому подкашивай ночью: коса посекает
290 Легче и жниво и травы холодной росой окропленны.
В зимний вечер трудятся селяне при свете лучины,
Бодрствуя долго, ножом заостряя сосновую светочь;
Их подруги песнями длинное время и скуку
Им услаждают, частым бердом ткань прибывая
Или на легкий огонь поставя сок виноградный
Сладкий и ветвью снимая с котла кипящую пену.

В летний полдень ссекает серп красно-желтые класы,
В летний полдень высуша<ю>т их и молотят цепами.
Сей и паши без одежд! земледельцы праздны зимою:

- 300 В хладное время года плодами трудов наслаждаясь,
Часто заводят пиры, угощают друг друга взаимно;
К радостям их зима приглашает, гонит заботы.
Так мореходцы с восторгом корабль в желанную пристань
Вводят и в радости сердца корму венчают цветами.
Мы и зимою находим работы: желуди с дуба
Рвем, багряные ягоды с лавра, оливы и мирта,
Сеть журавлям расставляем, рогатым еленям тенета,
Чуткими псами ловим зайца с большими ушами,
Серн то стрелой достигаем, то Балеарскою пращей
- 310 Рек по хрупкому льду, по глубокому вешнему снегу.

- Вспомнить ли здесь об ненастных звездах, об бурях осенних?
Вспомнить ли быть осторожну, как день становится меньше,
Лето сносней, как весна дождливая рухнет
С неба на класы, высоким стоящие лесом, и зерны
В класах на стебле зеленом, млеком напоенны, тучнеют?
Часто, когда уж жнецов земледелец в желтое поле
Жать выводит, когда уж ссекают ломкие класы,
Вдруг набежавшие ветры сшибаются с шумом, я видел,
В битве высоко из корня глубокого спелую жатву
- 320 Вырвав, на воздух бросают, и с черными вихрями буря
Мчит и солому, летящую врозь, и легкие стебли.
Часто также громада вод скопившихся, небо
Страшно вокруг застилая черной дождливою тучей,
С тучей из моря встающей столкнувшись, падает сверху:
Ливень работу волов и зелень веселую жита
Кроет водой, наполнены рвы, поднимаются реки,
С шумом морские валы закипели в мутных проливах.
Зевс, облеченный бури и полночи мраком, перуны
Мещет из светлой десницы: от грозного треска перунов
- 330 Мир трясется, звери скрываются в норы, и смертный
В сердце упавшем чувствует ужас. Юпитер горящим
Главы Атоса, Родопа или Цера<в>нии громом
В прах рассыпает: ветры сильней и дождь проливнее.
Громко ропщут леса, и брега отдаленные стонут.
-

- Будь осторожен противу бурь, наблюдай неослабно
Путь луны и планет, и в какой небес полосе свой
Круг совершает хладный Сатурн и блестящий Меркурий.
Чти вопервых бессмертных богов, ежегодно великой
Жертвы Церере ты приноси, когда на лужайках,
340 Зиму сменив, младая весна улыбается светло.
В вешние дни овцы тучнее, сладостней вина,
Сон приятней тогда, и рощи сенистей.
Юность сельская вся пусть сберется на праздник Цереры,
В дар ей меда соты, млеко и сладкие вины;
Жертву трижды вокруг засеянных нив да обводят,
Пусть за нею весь хор и плески селян восхищенных,
Гласом громким зовущих под кров свой Цереру, и прежде
Нежели острый серп засверкает над спелою жатвой,
Ветвью дубовой чело сей богини пускай увенчают,
350 С пеньем нескладным стихов и с сельской нестройною пляской.

Заблаговременно нам возвещать чрез известные знаки
Дождь, зной, дуть готовые хладом ветры желая,
Сам Зевес каждый месяц луне означать заповедал
Время, когда успокоятся южные ветры, чтоб, видя
То, земледельцы стада свои ближе к загонам держали.

- Скоро близость ветров узнаем по вздутому морю
В тесных пределах, по шуму глухому гор на вершинах.
Шум взбушевавших валов, далеким вторясь отзывом,
Брег возмущает, и ропот громче и громче по рошам.
360 Уже в круглый бок корабля сердитые волны
Хлещут, когда, из кипящия хляби вынырнув, к берегу
С краком нырки улетают, когда на поморье песчаном
Промеж собой играют гагары и цапля, с знакомых
Блат поднимаясь, высоко за облака залетает.
Также нередко, ветров предтеча, звезда с быстротою
Падает с неба и следом во мраке ночи далеко
С белыми искрами длинный хвост влачит за собою.
Легкая часто солома и листья сухие кружатся;
Часто перья и пух по воде носимый увидишь.

- 370 Если суровый Борей гремит громами, и если
Домы Зефира и Эвра трясутся, то полны водою
Рвы затопят поля и в море пловец поспешает
Влажные свить паруса. Никогда и беспечный внезапно
Бурею не был застигнут; ей из долин восстающей,
Вот поднялись журавли; вот, в небо глаза устремивши,
Жадно телица вбирает ноздрями широкими воздух;
Ласточки, быстро мелькая, над озером светлым щебечут;
Жалко квакают¹ в мрачном блате лягушки,
Часто в гнезде муравьи переносят яйца глубже,
- 380 Узкой протоптанной ими тропой; огромная в море
Радуга черпает воду, и враны густою станицей,
Пажить оставя, с страшным шумом машут крылами.
Стаями разные птицы морские, живущи в Азийских
Тучных, цветистых лугах, на Каистрских приятных озерах —
С крыл избыточно плещут друг в друга блестящую росу;
То главу против волн, то бегом по поверхности водной,
То без цели в воде окунаются желая, ныряют.
Гласом нескладным громко дождь призывает ворона,
Вдоль одна по сухому гуляя песчаному берегу.
- 390 Девы, за пряжей сидящи с лампадой, смотря, как светильня
Искры с треском бросает, как копать на ней остается,
Знают заране, что будет дурная сырая погода.

Те ж несомнительны знаки, кои тебе предвещали
Бурю и громы, другою чредой возвещают об ведре:
Звезды тогда в эфире ярко играют, и блещет
Ярко луна, как будто от Феба лучей не заемля;
Тонких, подобных руну облаков ветер не разносит;
Лебедь, Фетиды любимец, не хочет развертывать боле
Крыл, белизною блестящих; тучные свиньи не треплют

400 Желтых, спелых снопов, не кидают, ломая, солому.
Тихо сходят туманы с гор и ложатся в долинах;
Солнца закат наблюдающей с крова иль башни высокой,
Поздные вопли печальной совы не терзают уж слуха.

¹ Воейковым начата правка: В блате, в реке

- В чистой влаге воздушной летая, высоко готовит
Низос за пагубный волос багряный Сцилле погибель;
Сцилла прочь улетает, эфир рассекая крылами.
Низос с ужасным шумом, пощады не знающий, лютый,
Мчится за нею..... но подлетает лишь близко —
Сцилла вспорхнет, быстрее эфир рассекая крылами.
- 410 К ясной погоде трижды или четырежды враны
Черные каркают громко и часто, в гнездах высоких
Против обычая между собой разыгравшись нежно,
В листьях шуршат и шумят, и мнится, что после ненастья
Смотрят на малых птенцов веселей и с сладостью новой.
Я не поверю, чтоб свыше богами был им ниспослан
Разум иль дар предузнания высший самого рока,
Лучше поверю, что буря, движение воздуха, влажность
В мире всему другое дают направленья. Юпитер,
Воздух редкий сгущая, густой разрядив, применяет
- 420 Самый даже инстинкт и самое сердца движенье.
Вот причина молчания, ветрам тучи нагнавшим,
Птиц и животных; но солнце взглянуло — и птицы запели,
Резвятся овцы в лугах, и весело каркают враны.
- Если солнца и лун, за ним катящихся, будем
Ход наблюдать, то завтрешний день никогда не обманет;
Мы не поверим ложным предвестиям ясных ночи,
Видя новый месяц, лучи собирающий вместе;
Мрачный воздух густой, потемняющий рог ее светлый,
Жди, селянин и пловец: готовится страшная буря!
- 430 Если ж девический лик покроет стыдливость румянцем,
Ветры повеют; от ветров багрова луна золотая.
Если ж в четвертый день от рожденья на темной лазури
Блещут острые роги ее немерцающим светом и ярким,
Верь сему признаку: он не обманчив! будет погода
Ясная весь тот день и весь месяц без туч и без ветра;
Гибели в море пловцами избегшими свято на бреге
Главк, Мелицерт, Панопея увидят свершенны обеты.

Также всходящее солнце и в волны катящееся моря
Скажет погоду: за солнцем следуют верные знаки

- 440 Рано, как звезды уж тухнут, и поздно, как звезды восходят.
Ежели солнце всходящее в пятнах различных увидишь
Или пол-лика его облаками задернуто будет,
Бойся дождей: уже мчится порывистый южный
Ветр, и древам, и стадам, и посеву столь вредоносный.
Ежели днем из густых облаков преломленные мешет
Солнце лучи и тускло и слабо, и если Аврора
Одр покидает Тифонов шафранный бледна и печальна,
Листья тогда не укроют кистей винограда в наливе;
Скоро, ах! будут побиты градом, стучащим по кровлям.
- 450 Но совершившего путь и сходящего тихо с Олимпа
Знаки верхней несравненно; тогда на круге великом
Солнца, часто меняясь, являются разные краски:
Синия дождь означает, багровая ветров предвестник.
Если увидишь синие пятна с багровыми вместе,
Знай, что слинные так от ненастья воздух и воды
Вскоре увидишь: в свете никто не заставит
Ночью меня в такую погоду отчалить от берега!
Зря на востоке и западе солнца круг лучезарный
Ясно сияющий тщетно бродящих туч ты боишься:
- 460 Скоро леса Аквилон закачает — и тучи разгонит!
Верь наконец, все, что поздний Веспер приносит, где тучи
Ясные Норд соберет и что Юг приготовит,
Солнце верхней всех знаков предскажет. О солнце! в обмане
Смеет ли кто тебя обвинить? ты об тайных убийствах,
Бунтах и бранях таящихся нам возвещаешь!
Ты, когда Цесарь угас, об Римлянах жалея, покрыло
Лик свой печальный кровавой завесой, и в страхе преступный
Род человеков видел уж вечную ночь над собою.
- В оные страшные дни и земля, и великое море,
- 470 Псы нечистые, птицы зловещие гласом печальным
Знак подавали. Этна во гневе горнила циклопов,
Зрели мы, в недрах своих уж не раз устремлялась разрушить,
Клубы огня и растопленны камни в вихрях кидала.
На небе слышали грозные звуки оружий Германцы;
Снежные Альпы тряслись на гранитных своих основаниях;

В мраке священных вечно безмолвных лесов раздавался
Глас, приводящий в трепет бесстрашных. Бледные тени,
Дивные призраки в полночь бродили; звери вещали;
Реки уже не текли; земля растворилась, и в храмах
480 Пот на меди проступил и кость прослезилась.
Ярым вихрем помчавшись, в свирепом стремлении рощи,
Нивы, поля царь рек Эридан затопил и пастушьи,
Гибельный, кущи унес и стада. И жрец, созерцавший
Внутренность жертв, трепеща, предвещал нам близкую гибель.
В кладязях воды, о ужас! в кровь превратились, и волки,
Рыская в полночь, выли по стогнам градским непрерывно.
Нет, никогда не падало с ясного неба столько перунов
Раз за разом, и столько вдруг комет не пылало.

Все предвещанья сбылися: дважды в полях македонских
490 Ярая сеча кипела, и Римляне-братья мечами
Братьев терзали родными; дважды позволили боги
Землю сию утучнить благородною Римскою кровью.
О, без сомнения время настанет, когда земледелец
Тамошний, нивы браздя искривленным плугом, отроет
Ржавчиной длинные копыя сожранны или, ударив
Звонко тяжелыми граблями в шлемы пустые, увидит
Там с удивленьем великие остовы в древних могилах.

Боги отечества, здесь рожденные, Ромул и Веста
Матерь, хранители Тибра Этрусского, Римских чертогов!
500 Юноше в бурное время быть избавителем нашим
Вы допустите! давно мы нашею кровью омыли
Лаомедонтова рода деянья клятвопреступны.
Уже давно ревнивое небо с жалостью, Цесарь!
Смотрит на землю, где дорожишь ты триумфами столько
В веке, в котором столь часто смешаны правый с неправым,
Брани весь мир потрясают и зло в стольких образах видим.
Нет для плуга отличий; нивы заглохли, селянам
В бой увлеченным; серпы перекованы в острые копыя.
Уже Евфрат и Германия хлынуть войною готовы;

- 510 Уже союзы забыты, клятвы расторгнуты, грады
Битвами дышат — и Марс кровожадный свирепствует в мире.

Так, когда ярые кони, взыграя, умчат колесницу
Вон из ограды, тщетно возница бразды напрягает:
Кони несутся, не слыша вождей и знакомого гласа.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Прежде я пел земледелье, влиянье созвездий,
Ныне, Бахус! тебя я пою, и вместе с тобою
Дикие рощи, кусты и растущую трудно оливу.
Гроздий родитель, гряди, у нас холмы и доли твоими
Полны дарами; здесь для тебя осыпала осень
Грезнами лозы и пена сикера бьет из покалов!
Гроздий родитель, гряди и, снявши котурны, в багровом
Токе, из грезнов текущем, омой божественну голень.

- Ты же, начало труда моего ободривший вниманьем,
10 Ты, красота моей лиры и лучшая часть моей славы,
О Меценат! днесь на полных парусах пустимся в море!
Я не надеялся б все описать и обнять все предметы,
Если б имел я сто уст, сто языков и из меди
Скованну грудь. Прииди, мы в челне вокруг берегов облетаем,
Землю на миг из глаз не теряя. Вымыслов красных,
Отступов длинных, столь утомительных, здесь не услышишь.

- Образ различный Природа деревьям дала при созданье:
Много дерев без всяких людских трудов и стараний
Сами растут на свободе, брега и поляны далеко
20 Сенью склоненных ветвей покрывая: так гибкая верба,
Тополь, ракита, с посеребренной зеленью ива.
Много дерев восстает из семени, скрытого в землю:
Так высокий каштан, так в Зевсовых рощах всех высший
Явор ветвями, и дуб, за оракула Греками чтимый.
Много от корня дерев выходит частою рощей:
Так вяз, вишня и даже лавр Парнасский, который

Кроется в летах молодых под огромною матерней тенью.
Так природа древа созидает: священная роща,
Лес и кустарник так под надзором ее зеленеют.

- 30 Опыт открыл человекам многие новые средства:
Сей, отделяя отпрыск от нежного матери тела,
Тот, расколов на четыре клина пень плодоносный
Доброго древа, просто сажают в рыхлую грядку.
Сей, пригнув живые сучки, засыпает землею —
И возрастают, как новые, плети на матернем лоне.
Корни многим деревьям не нужны: вершины и сучья
Верхние их заострив, <земле> поверяют с надеждой.
Большее чудо скажу: от колá сухого, без корня,
Ветвей и листьев растет, осеняясь бодро, олива.
- 40 Часто мы безнаказанно видим на древе чужие
Ветви, часто срываем с яблони грушу и часто
Красные сливы с кизила, вместо плодов его жестких.
Вот для чего, земледельцы! вникайте в свойство растений;
Грубый вкус плодов усладить умеете искусством;
Да не останутся праздными ваши нивы: оденьте
Гроздом Исмар и Табурн осените оливой.

- Сами собою древа восстающие в воздухе светлом
Неплодоносны, я знаю; но крепки и жизнью полны;
Их воспитатель Природа. Если ж привьешь плодови́тый
- 50 Сук, пересадишь на кряж удобренный, в готовую яму,
Дикость их скоро исчезнет, и скоро труд неусыпный,
Преобразя, покорит и их благотворным уставам.
То же с бесплодным отпрыском, древа при корне растущем,
Если его ты посадишь в поле, открытое солнцу;
Если же нет, он заглохнет под матерней тенью, отнявшей
Солнце и росу, плоды его иссушившей и соки.
Семена павшу на землю, оно разверзается тихо,
Внуков наших покрыть обещая тенью своюю.
Яблонь от семени скоро забудет приятные свойства,
- 60 Грозды родят мелкие ягоды в добычу птицам.

В самом деле за всяким древом нужно хождение;
 Ровно сажай их и прямо: труд за успехи порукой.
 Пень производит оливу, грозд от череньев родится,
 Мирт Пафосский от ветви здоровой, посаженной в землю.
 Ясень высокий, орешина крепкая, дуб, посвященный
 Зевсу, древо тенистое, коим венчают Геркулла,
 Стройная пальма и с бурями в море борющаяся сосна:
 Все на семянной гряде получают сперва воспитанье.
 Но к безобразной ежёвке привитый орех превосходен;
 70 Явор бесплодный вкусные, крупные яблоки носит.
 Бук осыпан каштанами зрим, и груши цветами
 Ясень седеет; под вязом желудь кабан разгрызает.

Образ, как прививать, двоякий: в глазок и под кожу.
 Первое: сделав разрез на зеленой коже древесной,
 Где надувается почка, и разорвав перепонку
 В самой середине, в глазок влагают от чуждого древа
 Отпрыск — и он привыкает питаться чуждою влагой.
 Средство другое: ссечь<sic!> вершину и, скважину сделав
 Острым клином на гладкой поверхности древа, влагают
 80 В оную сук благодатный — и скоро великое древо
 К небу щастливые сучья свои простирает широко,
 Новою сенью гордясь и чужим плодам удивляясь.

Древ различные роды: есть разные крепкие вязы;
 Ив, лотосов, древ кипарисных на Иде священной,
 Тучных олив и род и образ многообразен:
 Продолговаты и круглы оливы, черны и горьки.
 Яблоков также бесчисленность разных и видом и вкусом.
 Есть Крустумские тяжкие дули, есть и Сирские груши.
 Рвем ли мы с наших древ виноград одинакий
 90 С тем, который срывают Лесбийцы с гроздий Метимны?
 Есть Тазийский грезн и белый Мареотидский;
 Те разводить на легкой земле, а другие на жирной.
 Грозд Псифийский вкуснее вареный, также Лагейский:
 Ног лишают они и язык лепетать заставляют.
 Есть багряный и ранний. Кто <P>етийские вина

- Может достойно в стихах похвалить? но неравны с Фалернским!
 Грозд Амминийский крепостью славен; но много уступит
 Тмольскому, также Фанейскому грозду — царю винограда!
 Славен мелким Аргос виноградом, с ним никакие
- 100 Грозды не равны ни в изобилии, ни в долголетиях.
 Вас ли, красу и честь пиров у бессмертных и смертных,
 Родские ль вина, могу умолчать? Бумастьские ль грезны?
 Но невозможно исчислить все роды различные гроздий,
 Так как нельзя упомянуть их разных названий;
 Мы не входим в такие подробности: легче возможно
 Счесть песчинки в Ливийских пустынях, носимые ветром;
 Легче возможно узнать, сколь велико количество в бурю
 Волн раздробляется с шумом о брег Ионийский гранитный.
- Все растенья на всякой земле родиться не могут:
- 110 Ива любит прохладные реки; ольхе во благе
 Тучном приятно, ясену милы камни утесов;
 Мирт на бреге озер и морей всегда веселее,
 Грозд на покатых холмах, а тис на морозах и ветрах.
- Взором окинем мир, покоренный трудом земледельцев;
 Взглянем в жилища восточных Арабов и пестрых Гелонов!
 Каждое древо имеет отчизну: в Индии только
 Черный эбен, в щастливой Аравии ладан родится.
 Что я скажу об стране, где из древ истекает ритина,
 Или об той, где прекрасный вечно акант зеленеет?
- 120 Что об лесах Эфиопских, руном белеющих нежным,
 Или об Се<rc>ких, где гребнем волну с древ собирают?
 Что об Индейских лесах, по берегу дикого моря
 Край света гордо стоящих, которых высокой вершины
 Лук тугой наляцаючи сильно крепкою мышцей
 Жители Ганга не могут достигнуть пернатой стрелою?
 Мидия носит горький плод, неприятный для вкуса,
 Но всех лекарств действительней против яда, и если
 Мачиха страшная в злобе сосуд заражает из зелий
 Выжатым соком и адских слов наговором преступным: —
- 130 Шлют на помощь сей плод — и он черный яд прогоняет.

Древо сие величаво и сходно с божественным лавром;
Лист и образ один, и если б не запах различный —
Лавр настоящий! цвет его крепок на ветвях, и листьев
Вечно зеленых ни ветер оборвать, ни буря не в силах;
Цвет — уста окуряет; сок — грудь старцев врачует.

- Но Мидийские славные рощи, богатые земли,
Ганг, величавый красавец, и Герм, по злату текущий,
В славе не равны с Авзонией; Индия, и Бактриана,
И благовонной ритиной Панхая богатая в царствах.
- 140 Пусть не пахали волю, из ноздрей извергаючи пламя,
Нив ее тучных, не заседали зубами дракона,
Серп не сжинал с ни<х> ни шлемов, ни с копьями ратников грозных;
Но Массийский грозд на холмах, пшеница на нивах;
Рощи оливы подносят, доли пестреют стадами;
Конь воинственный гордо копытами пажити топчет;
Белое стадо и тучный бык, величайшая жертва,
Часто, Клитумн! священной твоею влагой омыты,
Вводят в триумфе и лаврах Римских вождей в Капитолий.
Здесь беспрестанно весна и в чуждых месяцах лето;
- 150 Дважды в году рвем плод с древ, дважды ягнят получаем.
В наших пространных лесах кровожадные тигры не рыщут,
Львы не рыкают; здесь не обманет несчастных,
Рвущих ее, аконита, и змий, сверкающий жалом,
Перегребая песок, в огромные кольца не вьется.
Сколько градов велелепных, сколько чудесных чертогов,
Зданий, повешенных хитро на скользких, отвесных утесах;
Рек, у подножия древней ограды быстротекущих!
Можно ли мне позабыть здесь об верхнем море и нижнем?
Иль не сказать об великих озерах: Ларийском безбрежном,
- 160 Грозном Бенакском, как море вздувающим волны?
Пристани ль здесь опишу? на Лукринском ли озере крепкий
Юлиев сток и оплот, об который бурные волны
С ревом дробит океан; но не сломит; сток, чрез который
Вместе с Тиренским проливом сливаются волны Аверна?
В жилах Авзонии медь и серебро рекой протекают;
Чистого злата руда из гор лиется обильно.

- В ней обитали бранные Марты, Сабинская юность,
 В ней копыеносные Вольски, привыкшие к ранам Лигурцы.
 Здесь родилися великий Камилл, Деций и Марий,
 170 Бранные здесь Сципионы, и ты, о Цесарь великий!
 Днесь победитель на дальних Азийских берегах, отогнавший
 Прочь от Римских твердынь Индейцев женоподобных.
 Мир тебе, край благодатный Сатурна, плодами богатый,
 В плодах<sic!> великих обильный! я для тебя об искусстве
 Древнем начну, вкусив священной воды Геликона,
 В Римской столице Аскрейскую песнь об сельских работах.
- Днесь покажем разные роды земель и их свойства,
 Разный их цвет, плодотворные силы каждой особо.
 Скажем, вопервых: упрямое поле, бесплодные холмы,
 180 Кряж каменистый, смешанный с глиной, одетый кустами,
 Древу живому Паллады приятен. Хочешь ли знаков?
 Рощи диких олив растущи по камням и глине,
 Кряж, лесными плодами осыпанный — верные знаки!
 Тучное, сладкою влагой животворимее поле,
 Все под густую травой, родящее множество ягод;
 Кряж, какой меж раздвинутых гор в долине широкой
 Видим, биющим с вершины утеса ключем освеженный,
 С гор, удобренных туком, полдневному солнцу открытый,
 И тальником, неприятелем плуга кривого, <>,¹
 190 Обогатит тебя Вакховым даром и пенной рекою
 Сок виноградный проль<e>т; поле — даст крупные грез<н>ы;
 Дол — драгоценные вина, какие в чаши златые
 В честь богам возливаем, тогда как играет на лютне
 Тучный Тосканец — и жрец вопрошает внутренность дымную жертвы.
- Хочешь ли ты волов, ягнят и козлов, огородам
 Вредных, стада разводить? преселись в Тарент плодоносный;
 Или ищи себе паств, подобных прекрасным долинам,
 Днесь похищенным у Мантуи бедной; долинам, где белый
 Лебедь играет на берегу реки, роскошно извитой;
 200 Стадо найдет там ясные воды и тучные травы;

¹ Очевидно, в конце стиха переписчиком пропущено слово (напр., «поросий»).

- Сколько стада трав в длинный летний день истребляют,
Столько росистая краткая ночь возвращает богато.
Хочешь ли лучше быть земледельцем? черный и тучный
Кряж, который под плугом кривым рассыпается мелко,
Ты выбирай: хвала искусству, если подобный
Хитро умее<шь> составить! не вышлет тебе никакое
Поле столько скрыпучих возов, тащащихся тихо с снопами.
Нивы — сокровище, где селянин раздраженный срубает
Лес ленивый, столь долгое время бесплодный, и с корнем дерева
- 210 Вон рвет: птицы, приют свой оставя, взвились на воздух,
Гнезды их в прахе — и плуг облеснул уже дикое поле.

- Труд потеряешь напрасно над холмом, усеянным крупным
Хрящем; он тощ, он для пчел едва производит
Светлой росой размарин окропленный. Столь же бесплодно
Мергель родящее поле: там черные змии находят
Сладкую пищу, и в трещинах камней глубокие норы.
Поле, из коего пар поднимается тонким туманом,
Кое и пьет и опять извергает воздушную влажность,
Где не съедает ржа сошника и зелены травы,
- 220 Вяз с виноградной лозой сочтает, наедит
Масла, стадо насытит и плугу будет покорно.
Столь превосходной землею владеет Капуя;
Столь изобильные вид<им> в соседстве Везувия холмы;
Столь богаты равнины Ацерна, жителей коих
Часто Клан принуждает искать спасения в бегстве.

- Ныне узнать земель различные свойства и силы
Средство открою: легче ль и реже, или тяжеле и гуще.
Ибо тяжелая житу, легкая грозду приятней;
Ищет Церера густой, и рыхлую Вакх избирает.
- 230 Прежде отмеряй место глазами и яму глубоко
Вырыть вели в земле матерой, и не медля обратно
Все потом помечи туда заступом вынуты глыбы;
Ходя по н<и>м, землю стопами утаптывай крепко:
Если земли неостанет, то рыхлый кряж пред тобою.
Если ж, напротив, яму наполня, останутся глыбы —

- Признак густого и твердого кряжа; сей тамо жито,
Пару волов в плуг крепкий впрягай: взрывать его трудно!
На соленой и горькой земле ничего не родится;
Кряж несчастливый: ни труд, ни старанье его не исправят!
- 240 Грозды свой род и плоды свое имя здесь забывают.
Землю такую легко распознаем: снимите
С дымного вы чердака сплетенну из вербы кошницу
Или воронку; наполните сею худою землею;
Сверху потом на нее наливайте чистую воду.
Трудно вода найдет себе в землю дорогу — и крупной
Капля за каплей цедаясь сквозь скважин сосуда, покажет
Вкусу и горечь и соль: мучительный опыт для вкуса!
Самые верные признаки тучной земли здесь открою:
Если взять ее в руки, то никогда не отстанет;
- 250 Но, как смола, прилипнет к перстам, растираясь мягко.
Влажная та, на которой трава высока: вредоносны
Силы ее плодотворные: бойся ее изобилья;
Часто обманчива класов веселая прелесть!
Легкую или тяжелую землю вес обнаружит;
Цвет же различный земель узнаем по первому взгляду.
Хлад земли вредоносный открыть несравненно труднее:
Тис заразительный, сосна и плюща черные пряди,
Там растущие, хладного кряжа единственный признак.
- Сообразя все сие, не забудь ты задолго прежде
- 260 Землю сушить, чтоб глыбы в браздах не стояли горами;
Прежде хребет взвороченных глыб обратить к Аквилону;
После садить уж веселую лозу: перекипевший
Кряж есть самый лучший, ветер, хлад, мраз и прилежный
Труд вертоградяра в нем развернут плодородную силу.
Многие тщатся избрать не только с точностью землю
Или искусством составить подобную в свойствах и силах
Той, из которой переселяют младые растенья,
Чтобы не дать им заметить разлуку с кряжем родимым;
Но на коре означают прилежно, какую страну
- 270 Прежде юное древо стояло к знойному солнцу,
Как хребет обращало хладному севера небу:
В возрасте нежном младенчества действует сильно привычка!

Прежде изведай, в равнине или на холмах покатых
Грозды родятся крупней и обильней: если ты избрал
Кряж плодоносный равнины, то чаще, на скате же холма
Реже садить должно лозы прямыми рядами и в равном
Куст от куста расстоянны. Весь виноградник в куртины
Равносторонние ты раздели; подобно как часто
К брани великой готовясь, свернутый густо когорты
280 Вдоль развернет легион: воинство в поле открытом
Станет, примкнувши дружина к дружине; волнуется светлой
Медью земля, и еще несмешанные в сече кровавой,
В битве сомнительной, рати ярый Марс озирает.
Вот образец! так устрой виноградник и все промежутки
Равными сделай, не столько для вида, сколько для пользы:
Равную силу тогда земля даст каждому корню;
Каждое древо может свободно ветки развесить.

Может быть, спросишь: сколь глубоко выкапывать ямы?
Я поверяю смело брозде виноградные лозы;
290 Глубже другие древа, и совсем зарываю корни;
Но несравненно глубже всех дуб, столько ж всходящий
К небу главою, сколько во ад нисходящий корнями.
Тщетно хотят его опрокинуть зимние вьюги,
Ливень и ветры: он, неподвижный в долгие лета
Жизни, видит многих людей пролетевшие веки;
Он, распростерши над целой поляною крепкие сучья,
Сам величаво стоит посредине под тенью широкой.

Дол, обращенный к западу солнца, не место гроздий;
Бойся оставить орешину между лоз виноградных;
300 Верхних сучьев от древа не должно брать для рассады
(Ветви, растущие ближе к земле, ей приятнее дальних!);
Корни молодые лоз осторожнее заступом трогай:
Можно легко их поранить! гони из винниц оливу:
Часто беспечный пастух, расклав огонь у подошвы
Древ, потушить его забывает, и пламень, закравшись
Тайно сперва под кору смолистой оливы, объемлет

С треском весь пенъ, до<х>одит до листьев, стремится по сучьям,
К ветви от ветви восходит к вершине, к древу от древа
В дыме бежит, разливается огненным морем по роще.
310 Если ж, к несчастью, в то время вихрь налетит и погонит
Тучи дыма с главнями, то нет ни малейшей надежды!
Грозды твои не воскреснут от пней обгорелых и землю,
Срезанны, зеленью вновь не оденут! виновница стольких
Бедствий олива переживает одна сию гибель.

Бойся советов благоразумных писателей, кои
Землю, скрепленну дыханьем Борea, пахать заставляют:
Мраз заключает лоно земли и, семени брошенну, череп
Льдяного кряжа не даст проникнуть слабым кореньям.
Лучшее время грозды садить румяной весною,
320 Как к нам белый аист, враг длинных змий, возвратится;
Также при первых осенних морозах, лету минувшу,
Но колеснице Феба пределов зимы не достигшей.

Лес весною с листьями, роща весною приятна;
Требует лоно земли семян, разверзаясь весною.
Бог всемогущий Эфир тогда в дожде изобильном
В страстное лоно супруги нисходит и в сладком союзе
С телом великим ее прозябенья питает.
В частых кустарниках пение птиц тогда раздаётся;
В срочные дни стада пылают жаром Венеры;
330 Нива зачавшая в чреве раждает; зефиры в дыханье
Теплом утробу земли разверзают; нежная влага
Травы живит, и лужайки без страха вверяются солнцу
Новому; лозы растут, не бояся южного ветра
Или дождя, на них устремленного северным ветром —
Смело и пышно весной распуская листья и почки.
Нет! при создании мира весна облеснула улыбкой
Первою; дни не могли другою чредою катиться:
Я не поверю. Весна светилу великому в небо
Путь отворила, и Эвры зимой не дышали, тогда как
340 Впервые звери светом вздохнули, как поднял из праха
Род человеков железный главу и тогда как

Дикие звери в леса и звезды посланы в небо.
Нежность творений тогда не стерпела б суровой погоды,
Если б меж хладом и зноем не тихий весны промежутки;
Если б не облило теплое небо землю младую.

Сверх того, какого бы рода кусты ни садил ты,
Тучным наземом, землей покрывать их рачительно должно.
Раковин, камней на них на <нос> и, вбирающих воду:
350 Между ними проходит вода, провевает прохладу
Воздух, и корни силу берут. Вертоградарям добрым
Способ известен ростки покрывать черепами сосудов
Глиняных битых. Это им от дождей охранитель,
Также тогда как от жажды земля разверзается летом.

Лозам посаженным в гряды, осталось заступом чаще
Землю прибрасывать к корням, двузубыми вилами гряды
Чаще тревожить и между рядами лоз осторожный
Плуг проводить прямою чертой на волах непокорных.
Легкие трости, или прутья высокие, или
Копья вязовые в гряды втыкай и двурогие вилы,
360 Чтобы лозы на них могли опереться, привлекли
Ветр презирать и на вяз по ступеням ветвей взбираться.

Лозы, вышед из детства, пускают отпрыски новы:
Нежность их пощади, и в то время как радостно кверху
Быстро восходят побегу, как будто вождям попущенным,
К ним да не смеет касаться железо; изредка только
Там и сям обрывай руками листья густые.
Но тогда как, обнявши крепко ветвями подпоры,
Выше их встанут, кудри им обстригай и обрезавай сучья:
Прежде железа боявшись, ныне яви без пощады
370 Власть над ними и ветвей умерь излишнюю роскошь.

Крепкий плетень кругом заплети от стад в оборону;
Ведай, что вред и малейший губит юные листья.
Кроме ужасного хлада и сильного летнего зноя,
Дикие буйволы, козы, идущие в стаде за ними,

Лозы твои оскорбляют, овцы и алчные кравы.
Нет, им не столько губителен белый сжимающий иней,
Страшный жар, раскаляющий камни, на них проливаясь,
Сколько губительно стадо, в язве надкушенных сучьев
И на разрезе коры убийственный яд оставляя.

- 380 Это прямая вина, не другая, что Вакху приносят
В жертву козла: старинные игры явились на сцене;
Кто остроумнее, тот получал на распутьях и в селах
В дар козла у Афинян; прыгали там вокруг веселых
Чаш на лугу чрез мехи козлиные, вспрыснуты маслом.
Мы, потомки Троян, Авзонцы, следом за ними
Вслух читаем стихи нескладные с хохотом громким,
Древ из коры в безобразно обделанных страшных личинах,
Вакх! тебя призывая, веселыми песнями славим;
В честь тебе легкие ставим качели в рощах сосновых.
- 390 Вот виноградом унизаны лозы богато, плодами
Полны глубокие доли, в рощах дремучих поляны:
Все цветет, куда сей бог главу обращает!
Грянем же Вакху гимны праотцев наших, наполним
Хлебами чаши, козла за рога повлечем на закланье
Пред олтарем вечноюного бога гроздий! изжарим
Тучную внутренность мы на рожнах из ореховых сучьев.

- Кроме тех, об которых сказали, от нас попечений
Требуют лозы особых: надобно нам ежегодно
Трижды, четырежды взрыть вокруг их землю, дробить беспрестанно
- 400 Граблями глыбы и лоз обрывать излишние листья.
Круг годичных работ совершившим селянам, уж новый
Год, тем же следом идя, призывает их к новым работам.
Только что лозы сбросят поздние листья и только
Хладный северный ветер оборвет украшение рощей,
Уже тотчас наступающий год на себя земледельца
Взор обращает; уже с кривою косою Сатурна
Он виноградник обходит, листья подстригает и пряди.
Первый землю ты взрой, первый сожги ты сухие
Лозы и первый под кровлю колья смечи; но последний

410 Свой виноград обрывай. Дважды тень нападает на лозы;
Дважды в году заглушают их вредные травы густые;
Тяжко и то и другое. Хвали виноградник обширный,
Сам обрабатывай малый! Тогда иглистый терновник
Рвут по лесам, по берегу рек растущие трости,
И никакого труда ивняк не стоящий режут.
Уже подперты лозы, ножи садовые праздно,
Колья в последний остря для лоз, поет вертоградарь;
Но и тут должно землю бросать и взрывать, и бояться,
Ждя бурь каждый час за спеющий плод винограда.

420 Но никакое старанье беспечной оливе не нужно,
Заступ и вилы, терзаючи землю, здесь бесполезны:
Корни пустив единожды, ветры изведавши, к небу
Полная жизни взбегает, ежели граблями взроют
Землю вокруг; и богата плодами, ежели плугом.
Будь воспитатель оливы, древа, любезного миру!

Также и яблонь, в корне почувствовав крепость и силу,
Очень скоро встает, до звезд главу подымая
Собственной внутренней силой, не требуя помощи нашей.

Но от того не менее лес блистает плодами,
430 Дикая роща как кровь ягоды алые носит,
Вкруг обстрижен цитиз, в лесу высоком лучина
Срублена, свет и тепло дающая ночью, а люди
Все не хотят их садить и малейшее дать им признание!

Что продолжать об великих предметах? ива и верьба
Стаду листья свои, а пастырю сень предлагают,
Нивам под жатвой плетень и мед пчелам домовитым.
Как приятно зреть на Циторе волнуемы буки,
Сосны в Нариссе! какое приятное зрелище — поле,
Где не надобно плуга, ни тяжких трудов человека!

440 Даже бесплодные дебри вершин Кавказа полезны,
Эвры где с свистом и скрипом, качая, ломают деревья:
Разный плод их деревья разные носят; из сосен

- Их корабли, кипарисов и кедров их дома.
Обод, спицы, оси и крыши к телегам оттуда
Для земледельцев; огромные кормы для мореходцев.
Связями гибкими ивы богаты, вяза листьями;
Мирт несгибаемый нужен для копий, кизил для различных
Бранных снарядов; тис Итурийский сгибается луком.
Легкая липа и бук на токарном станке получают
- 450 Образ и долбятя острым железом на разную утварь.
Легкая ольха, в челнок превращенна и послана в воду,
Быстро преплавает Пад; дуб под крепкой корою,
Или в дупле пустом и обширном пчел сокрывает.
Что принесли нам равно полезного Вакховы грозды?
Часто Вакх преступлений виновник: он разъяренных
В пиршестве предал смерти Центавров <P>ета и Фола,
И угрожавшего чашей широкой Лапитам Гилея.
- О земледелец, стократно блажен он, ежели цену
Благ своих знает! далек он от шума оружий;
- 460 Нива родная и сад дают ему снеди простые;
Нет у него с переходами длинными пышных чертогов,
С хитрой резьбой позолоченных врат, которые с шумом,
Утру проснувшись на холмах, льстецов извергают волнами.
Нет у него Коринфских столпов и мраморов белых;
Он не одет ни в парчу, ни в багряные Сирские ткани,
И не вкушает за трапезой пряных брашен заморских.
Но в замену надежный покой и жизнь без коварства;
Прочными благами он обладает в сельском поместье;
Отдых имеет в пещерах, озера с проточной водою,
- 470 Стадо быков ревущее; древо, под коим вкушает
Сладостный сон. Там обитель зверей, дремучие рощи;
Там довольная малым, к трудам обыкшая юность,
Там святыня богов, к отцам уважение; в скромной
Хижине сельской Фемида последний ночлег свой имела.
- Музы, с младенчества ваш почитатель, в сердце питал я
Жар благородный, к вам и тепер с мольбою: откройте
Мне таинственный ход светил по небесному своду!

- Музы, почто лик луны то ущербный видим, то полный?
Что потрясает землю и солнце без туч помрачает?
- 480 Силой какою без ветров море гонимое к берегу
В час урочный стремится и в час отступает урочный?
Что заставляет зимнее солнце столь быстро скрываться,
Зимнюю звездную ночь столь долго медлить на небе?
Если ж, вокруг сердца лежащему хладу, не в силах постичь я
Тайны природы, то петь мне дозвольте об речках в долине,
Рощах безвестных и милых! где вы, равнины Тайгета?
Кто мой вожатый будет на Гем благовонный? Примите
Странника вы, о долины Темпейские! в сень ваших рощей,
Ветви повесьте над ним и укройте от бурь и заботы!
- 490 Щастлив мудрец, познавший чертеж пространной вселенны,
Силы ее и пружины! Щастлив твердый в временах
Рока, хладно внимающий шум Ахерона скупого!
Щастлив не меньше сельских богов смиренный любимец;
Пана, старца Сильвана и Нимф, его сестр, почитатель!
Пурпур царей и пукі народа он хладнокровно
Видит; междоусобных раздоров и браней он не заводит;
Воплей воинственных Дака, от Истра восставших, не слышит;
В пренях Сената, в падении царств не приемлет участия.
Он не жалеет об бедности, он незавидлив к богатству;
- 500 Он овощами простыми за трапезой сельской доволен,
Он не знаком с железною строгостью наших законов,
С ябедой наших судилищ, с хранилищем писем народных.
Сей незнакомое море волнами роет, а этот
Грудью встречает копье, к царям вползает в чертоги;
Сей покупает гибелью града, нещастьем Пенатов
Право на пурпуре спать и пить из чаш драгоценных;
Тот обладатель сокровищ, стражем бессменным у злата;
Тот онемел на кафедре народной; рукоплесканьем
В ложах (плески удвоены от Плебеян и Сената!)
- 510 Сей оглушен; те веселы, облиты братнею кровью;
Здесь же меняют дома на ссылку и, теремы предков
Кинуты, ищут чужих богов и чужой отчизны.
-

- Жизнь земледельца иная: он с острым плугом на ниве;
 Он годовую работой отчизну и маленьких внуков
 Кормит; для крав и рабочих волов промышляет запасы.
 Он от трудов не престанет, доколе не узрит согбенных
 Ветвей древесных под тяжестью спелых плодов, и доколе
 Житом не полон анбар, и подвал вином не уставлен.
 Придет зима — и в тисках уж оливы, и цедится масло;
- 520 Свиньи в загон, желудями упитанны, идут; подносит
 Лес на кустарнике ягоды, осень плоды предлагает;
 Спеют грозды на кряже камнистом, палимые солнцем.
 Но обвилися вокруг шеи милые дети, целуя;
 Страж его дома невинность; млеко из сосцов наливают
 Кравы в удойник — и между тем, разыгравшись на дерне,
 Бьют козлы соперники крепко друг друга рогами.
 Придет ли праздник? он, возлежа на лугу, торжествует;
 Огонь пылает в середине, гостей увенчаны чаши.....
 Вах! он тебя призывает; пастырям стада высоко
- 530 Цель для метания быстрых копий он ставит на вязе;
 Крепких мужей для сельской борьбы от одежд обнажает.

- В древности образ жизни такой наблюдали Сабинцы;
 Так Рем с братом; так возрастала Этрурия в силах.
 Так, земледелие чтя, святынею Рим знаменитый
 Семь холмов заключил во единой ограде и славой
 Все града превзошел. Так прежде Юпитера, прежде
 Чем обагрило нечестие руки кровью животных,
 Жизнь златую вели человеки под скиптром Сатурна;
 Резкие звуки бранной трубы не гремели, и часто
- 540 Млат ковачей, стуча, мечей не выковывал грозных.

Но, обтекшим пространное поприще нам, уже время
 Коней усталых отпрячь и склониться к покою.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Также тебе, Палеса великая! песни и вместе,
 Пастырь Амфрийский, тебе! вам, ручьи и рощи Лицея!

- Пищи для праздности нету: лирой досужих поэтов
 Все уже было воспето: кто Эвристееву лютость,
 Кто алтаря недостойного хвал Вузирида не знает?
 Кто не пел Гиласа младого, Делоса Латты?<sic!>
 Кто Гипподамии, рамо из кости слоновой Пелопса,
 Славного коней вождя? поищем из праха подняться
 Новым путем и в триумфе лететь по устам человеков.
- 10 Первый в отчизну (ежели дни мои продолжатся!)
 Муз приведу, возвращаясь с холмов Аонийских, и первый,
 Мантуя! в дар тебе принесу Идумейскую пальму.
 Мраморный храм на зеленых полях твоих я воздвигну,
 Близ вод, где<sic!> извивает большими кругами и тихо
 Минчио пышный, нежный брег тростником осеняя:
 Цесарь в середине храма единый будет поставлен;
 Сам, богато одет багрянницею дивною Тирской,
 Сто колесниц устремлю я четвероконных по берегу.
 Рощи Молорха и берег Алфея оставив, придет
- 20 Греция с нами в беге, в жестоком бою состязаться.
 Я с главою, увенчанной листьями юной оливы,
 Сам награды раздам: и мнится, веду уже ныне
 Ход торжественный к храму и вижу быков убиенных;
 Вижу, как Бритты в театре развесили ткани, на коих
 Хитрой иглою живо представлено их поношение.
 Там над входом во храм изваяю из злата и кости
 Битвы при Ганге и победителя в броне Квирина;
 Здесь возмущенный войною в обширном теченье великий
 Нил и медь кораблей, столпом восстающая к небу;
- 30 Здесь Азийские грады в цепях, Нифат отодвинут;
 В бегстве Парфянин сзади чрез рамо стрелами разящий.
 Там два разных трофея у разных врагов похищенны,
 Двух берегов побежденные дважды народы представят;
 Там из Паросского мрамора будут дышать в изваянных
 Образах все Ассарака потомки, ведущи от Зевса
 Род свой: Трос прародитель и Цинтий, Трои создатель.
 Неизлечимая зависть Фурий, Коцита, извитых

Змий Иксиона, его колеса огромного, камня,
Тщетно Сизифом катимого в гору, тогда устрашится.

40 Между тем, последуем в рощи Дриад и в полянки
Прежде других; Меценат, твои повеления трудны!
Нет без тебя ни одной возвышенной мысли! скорее
Леность мою прогони; нас крики зовут к Цитерону;
Лай Тайгетских псов, Эпидавр коней укротитель:
Лес, отвечающий им, в отзывах вторит все звуки!
Скоро уже начну я петь кипящие битвы
Цесаря, имя его пронесу временам столь далеким,
Сколько далек от дня рожденья Тифонова Цесарь.

К играм ли ты Олимпийским, пальмы наградой прельщенный,
50 Коней готовишь или крепких волов для оранья:
Выбор маток первое дело. Лучшие стати
Кравы: глава безобразно большая, тучная выя,
В сгибах подзобок, висящий почти до коленей, безмерно
Бок протяженный, все члены огромны и самые даже
Ноги, уши в шерсти под рогами ее извитыми.
Нравится мне волнами и пятнами белыми крава;
Я люблю ее видеть, когда, как вол разъяренный,
С ревом свергает ярмо, угрожает рогами и гордо
Переступая, длинным хвостом она прах возметает.
60 Возраст, способный муки Луцины стерпеть и Гимену
Быть посвящен, в четыре начнется и кончится в десять;
Прежде и после кравы к ярму и родам неспособны.
Ты посылай в кипящее младостью стадо, не трать
Времени, для сочетанья быков красивых, и новым
Племенем старое племя ты заменяй непрерывно.
Лучший возраст в жизни для бедных смертных промчится
Первый и скоро; за ним болезни, скучная старость,
Скорь и смерть, посекающи нас беспощадной косою.
Вечно есть в стаде такие, коих сбыть ты желаешь;
70 Вечно быков и крав ты новых готовь и погибель
Их упреждай, ежегодно племянных по жребию выбрав.

- Столь же строг будь в выборе статных коней для завода:
Тот, на которого ты свою полагаешь надежду,
Главное с юности должен к себе обратить попечение.
В златном лугу жеребец величавый и доброй породы
Ходит гордее и ноги с легкостью мечет и ставит.
Первый он на дороге; первый в реке незнакомой
Смело, и первый себя поверяет новому мосту.
Стук напрасный его не смущает: шея крутая,
- 80 Морда сухая, хребет окатистый, станом он тонок,
Грудь, кипящая мужеством в жилах. Шерстью отличен
Бурый и в яблоках серый; напротив, в презренье великом
Белый и рыжий. Звук оружий далеко послышав,
Весь в нетерпенье, ушами прядет, трепещет, не сыщет
Места, и пламень из алых ноздрей извергает клубами.
Грива, разметана густо, по правому раму струится;
Ребра крутые двойным хребет его кажут; он роет
Землю и тучную пажить копытами крепкими топчет.
Древле таков укрощенный Поллуксом конь Амиклеев
- 90 Славный Циллар. На таких (нам греки в стихах возвестили)
Марс и Ахилл летали.<sic!>
Древле Сатурн, внезапно супруге представшей, в такого
Преобразился коня, и, гриву раскинув, помчался
В горы от ней, и потряс Пелион пронзительным ржаньем.
- Кто от болезни тяжелым, от старости ставший ленивым:
Хлеб да имеет! спокой его непостыдную дряхлость!
Битвы Венеры и Марса требуют юношей крепких.
Для престарелых борцов, бессильным желаньем томимых,
Бог Гименей не бог наслаждений: так, как в соломе,
- 100 Пламень в них, вспыхнув, угаснет. Заметить пылкость и лета
Главное дело! потом уж породу и свойства другие:
Весел ли конь победитель, грустен ли конь побежденный!
Видишь ли, как в минуту опасной борьбы захватили
Поле кони? колесницы, вырвавшись<sic!> вон из огады;
Юноши полны надеждой; но сердце их бьется
Страхом стесненное! свищут бичи, и возницы
Вот, наклонясь, попускают брозды: оси дымятся;

- То по земле расстилаются кони; то, мнится,
Будто от ней отделясь, на воздух они поднялись.
- 110 Нет им покоя; нет отдыха; тучи желтые праха
Подняты; облиты пеной и влажным дыханьем отставших:
Столь велика в них страсть к похвалам и стремленье к победе!
Первый дерзнул Эрихтоний запречь в колесницу четырех
Коней и, на колесах стоя, торжественно мчаться.
Прежде всех в Пелетронской долине Лапиты бродами
Дикость коней обуздали и, на хребте у них сидя
В броне, их обучали выступке гордой и мерной.
Равен труд и тот и другой: и возница и всадник
Равно коня выбирают младого и пылкого сердцем;
- 120 Старый и дряхлый отброшен, хотя попирает бы он прежде
Часто врагов, имел бы Эпир иль Мицены отчизной,
Если б свой род знаменитый он выводил от Нептуна.

- После сих замечаний, главное сделать все в пору;
Все попеченье сначала единственно в том: да тучнеет
Конь, предводителем выбранный, бык, нареченный супругом;
Льют в изобилии воду; свежее сено и зерны
Хлебные сыплют: да с жаром летит на свиданье любви.
Слабый и дряхлый отец недужных чад поражает.
Крав, напротив, совсем изнурять почитают полезным:
- 130 Склонность заметив в ней к наслаждениям любовным, немедля
Пищу убавят, от вод отлучат и на пажить не пустят.
Часто даже, запрягши в телегу, мучат на зное
В тот час, как ток от цепов в лад бьющих стонает
И легкокрылые зефиры, вея, разносят мякину.
Тучность чрезмерная может, проход семянам заграждая,
Сделать совсем бесплодными маток, ленивых от тука.
Вот вина, для которой пастыри их изнуряют.

- Матери стада заченшей и чреву ее округленну,
Все попеченье, вся холя к ней от отца переходит:
- 140 Ей не возить колесницы, ей не взбираться на горы,
Ей не преплывать чрез реки, ей не скакать чрез овраги,
Ей не мчаться стрелой по полям и пажитям тучным.

Пусть гуляет она по открытым в рощах лужайкам:
Там, где полон ручей, где берег и мшист и муравчат;
Там, где прохладны вертепы и рощи над ними нависли.
Есть вокруг Силарских лесов, вблизи от Албурнской дубами
Озелененной горы, летающий овод: у Римлян
Имя ему Азил, в переводе на Греческий Острин.
Овод ужасно жужжащий, от жала которого стадо
150 Врозь разбегается, пастыря гласу не внемля, и страшным
Диким мычаньем леса потрясает и берег Танагра.
Некогда гневной Юноной сие чудовище злое
Послано мучить дочь Инахову, юную краву.
В полдень при солнечном зное овод еще кровожадней;
В полдень беременных крав в загоне держи, выпуская
В луг их пастися на солнечном восходе иль вечером поздным.

Им разрешившимся, все попеченье новорожденным:
Вскоре горячим клеймом означь их породу и участь;
Порознь и тех, которых блюсть на племя ты намерен,
160 Коих ты оltарю посвящаешь, коих готовишь
Шероховатые глыбы переворачивать плугом.
Прочие могут без цели бродить по зеленым лужайкам.
В плуг обреченных тельцов старайся в младости нежной
С тяжким ярмом и работами сельскими ты познакомить:
Юность легче все понимает, нрав ее гибче!
Сперва сплети хомутину из верб и на нежную выю
Вздень молодому тельцу, приучай его мало-помалу
Иго носить терпеливо, после с тельцом равнолетным
Спарь их, связав хомуты, води их вместе и шагом.
После их заставляй возить пустую телегу,
Прежде по ровному месту, потом и горы на вершину.
170 После дружно потянут воз, под которым согнется
С скрыпом ось из крепкого бука на медных колесах.
Но в ожидании мало кормить их одною травой,
Листьями ивы или в болоте растущей осокой.
Нет! им нередко снопы ячменя разбрасывать должно;
Предков оставя обычай, млека не цедить уж в удоиник
Белый<sic!>, но в пищу милым детям крав предоставить.

- Если ж ты страстен ко браням и к строю всадников гордых,
180 Или в Пизе по берегу Алфея скользить на колесах
И колесницей летучею править в Зевсовой роще:
Первое дело, чтоб конь привыкнул слышать оружий
Шум, крик громкий ратников, зык труб и стук колесницы,
Тяжко стонающей, упряжи звон и удил железных.
После хозяин, к лъстиву гласу похвал приучая,
Чаще коня да ласкает и треплет по вые.
Тотчас начать, как скоро от матери будет он отнят:
Пусть он морду подставит узде в замену за ласки,
Смирный и даже робкий, без всяких опытов в жизни.
- 190 Переступившись ему на четвертое лето, хозяин
Делать мерные скоки учить начинает, ногами
В лад ударять и метать их одну за другою.
Пусть, как работник, конь твой трудится! но скоро он в беге
Ветры обгонит и, удил не чуя, свободно помчится
В поле открытом, едва на песке следы оставляя.
Так Аквилон, с берегов летящий Гиперборейских,
Мчит пред собою вьюги, мятели и гонит сухие
Тучи, волнует высокую жатву и степи дыханьем:
Лес высокий тогда отвечает с шумом ужасным
- 200 Шуму ветра, и волны большие к берегу теснятся:
Он возмечает крылами вместе и воду, и землю.
Конь подобный помчится по поприщу славы в Эллиде,
Пеной кровавою уст и потом поля орошая;
Иль повлечет колесницу Бельгийскую нежною выей.
Прежде коней усмири, а потом, чтоб росли и добрели,
Зернами их утучняй ты: неукрощенные кони
Дух упрямый, силу покажут большую, не стерпят
Легких ударов бича и броздам в послушаньи отажут.
- Чтоб сохранить, укрепить еще больше их силы, старайся
- 210 Ты удалить от огня и слепых наслаждений Венеры
Равно: быков ли заводишь, или к коням ты прирастен.
Вот для чего и потребно, чтоб от быков отделяли
Крав далекие пажити, горы большие и реки;

- Или чтоб бык был в крепком отделе у яслей привязан.
Бык при взоре одном на краву тает любовью,
Сохнет, бродя близ вод по лесам, по пажитям тучным,
И забывает и воды, и рощи, и пажить. Нередко
Бой у любовников гордых за краву жестокий рогами.
В роще пространной едва показалась пригожая крава,
220 Уже быки, в бой ярый вступя за нее и бодая,
Ранят друг друга; черная кровь омывает обоих.
Против врага они устремляют крепкие роги;
Грозным ревом леса и Олимп оглашают огромный.
Нет для бойцов примиренья; вечно ужиться не могут,
И побежденный бежит в места незнакомые плакать
Там об утраченной славе, об ранах, ему нанесенных
Гордым соперником; но разлучаясь, кидает последний
Взор на милую сердца, на пажить — владение предков.
Ярый, там силы свои, укрепляя, пытается; под небом
230 Ночи проводит, ложе его гранитные камни,
Пища колючие терны, грубый тростник и осока;
Сам искушает себя, рога приучает к ударам
И, пламенея вновь в бой, пни бык раздробляет и, ветры
В брань вызывая, прах клубит и готовится грянуть.
После в силах надежный, бодростью смелой кипящий,
Стан свой оставив, летит на врага, вздремавшего в неге:
Так, из середины восстав отдаленной пучины, белеет
Вал на поверхности моря огромный и, с шумом ужасным
Между утесов ко берегу катясь, как гора снеговая,
240 Грянувшись, вдруг обрушается. Воды кипят и хлебешут,
Дно разрывая, и черный песок по берегу стелют.
- Все на земле существа: человеки, дикие звери,
Чуды и рыбы морские, стада, разноперые птицы,
В бешенстве мечутся в пламень: любовь над всеми царица!
Львица бросает детей для любви и, сделавшись злобной,
По полю рыщет; в лесах никогда медведь безобразный
Столько жертв не растерзывал, столько тогда, как любовью
Пышет; вепрь тогда свирепей и тигр кровожадней.
Горе тогда совершающим путь по Ливийской пустыне!

- 250 Разве не видишь, как у коней пробегает по членам
 Трепет, лишь только запах знакомый ветер им доносит?
 Бич и брозды над ними силу свою потеряли;
 Горы, скалы и овраги в то время для них не оплоты;
 Реки, влекущие камни, в стремленьи для них не преграда.
 Рыщет кабан Сабинский повсюду, ощерясь клыками,
 В землю ногою бьет, об деревья ребрами трется,
 Всеми средствами против ран укрепляет он плечи.
 И на какие беды не отважится страстью горящий
 Юноша? В полночь не слыша бури, волн и перунов,
 260 Стона родителей, жалобных воплей смотрящей
 С брега красавицы милой, которую смертью своею
 Он умертвит.... влекомый в погибель страстью свиданья —
 Твердый, решимый — плывет сквозь мглу по валам всколыханным.
 Что остановит Ваковых пегих рысей и лютых
 Псов и волков? Не зришь ли ты смелыми робких еленей?

- Но кобылиц пред всеми сильнейший огонь распалает:
 Огонь сей Венера вдохнула, тогда как По<тн>ийского Главка
 Члены четыре кобылы в куски растерзали зубами.
 Их проводит любовь чрез Гаргарскую гору, чрез шумный
 270 Пенный Асканий, скачут на горы, преплавают реки.
 Им весною в костях ощущающим огонь сладострастья
 (Страсть любви сильнее весною свирепствует в жилах!),
 Против ветра стоят на открытом высоком утесе,
 Воздух легкий устами вбирают; и часто, о чудо!
 В чреве от воздушных сих зачинают — и вдруг с гор стадо
 Все кобылиц чрез утесы, овраги, леса и долины
 Мчится, о Евр! не к тебе, не к востоку, где солнце восходит,
 К северу, к северо-западу, или туда, где родится
 Черный юг и небо печалит дождями и хладом.
 280 Тут на бегу гиппоман извергают из чрева, ужасный
 Яд неисцельный, который мешают мачихи в злобе
 С соком из зелий и адских слов наговором преступным.
 Но я сам, от предмета песней моих отвлеченный,
 Против воли чудотворенья любви прославляю....
 Между тем убегает от нас невозвратное время!

Полно! оставим большие стада, воспоем белорунных
Агнцов, косматых козлов. Поселяне, им попеченье —
И наградят вас обильно млеком и мягкой волною.
Знаю, сколь трудно воспеть сии мелочные предметы,
290 Их не унизив, и сколь узка тропинка здесь к славе.
Но от дороги пробитой люблю уклоняться и смело
Путь на Парнас и к Кастальским ключам протаптывать новый,
Где до меня ни один человек не протаптывал следа:
Ныне, Палеса могущая! громко тебя призываю.

Первый совет мой овец содержать в покойных загонах,
Сеном кормить, доколе весна оденет лужайки;
Связки большие грубой травы и жесткой соломы
Им, растрепав, подстилать, охраняя от сырости зимней
Нежное стадо: хлад причина постыдных болезней.
300 После того я велю для коз заготовливать ветви
С листьями разных кустов и свежую воду для пойла;
Зимним ветрам вход заградить, и овчарни к полудню
Ставить дверями, и быть осторожным, доколе минует
Хлад и года конец оросит Водолей заходящий.
Козы и овцы равны в правах на твое попеченье;
Полезьа от них равна, хотя Милезийскую волну
Дорого ценят и лучше питают Тирским багрянцем.
Коз же млеко в замену того изобильней и гуще;
Чем их сосцы выжимают с большим усилением в удоиник,
310 Тем богатейшие реки млека они проливают.
Белые космы брады и длинную шерсть Цинифийским
Пастырям стричь допускает козел на покровы
Бранных шатров и снарядов, а бедным гребцам на одежду.
Козы пасутся в лесах на высокой вершине Лицея;
Любят в колочем терне ходить, на стремнины взбираться;
Вечером в хлев козлят ведут за собою и с полным
Вымем едва чрез порог высокий переступают.
В зиму за то от них иней пушистый, снежные ветры,
Бедность, которая часто смерть ведет за собою,
320 Ты отстрани: и сени, и ветви веселые с листом
В пищу давай и зимой не держи на запоре анбаров.

Но зефирам призвавшим обратно веселое лето,
В рощи на пажить отправь ты стадо и то и другое
С первым светом денницы, тогда как лужайки прохладой
Дышат, как молодо утро, луга еще белы, и травы —
Нежная пища для стад — окропились приятной росой.
Дня же четвертому часу уже возбудившему жажду,
Жалко в лугу стрекоза застрекочет: знак, что настало
Пастырям время к прудам и прохладным кладезям стадо
330 Гнать и поить из вязовых колод текучей водою.
В полдень ищи укрыть его в тенистой долине;
Иль под огромным и старым дубом Зевеса, густые
Ветви рассевшим; или под мрачной и длинной
Тенью стоящих часто рошей древ ясенových.
Там еще напоить и держать на лужайке, доколе
Солнце зайдет, прохладит заря вечерняя воздух,
Ночь осыплет леса холодной росой и кустарник
Пеньем чижей огласится, а брег лебедей восклицаньем.

Должно ли здесь говорить о Ливийских пастырях? должно ль
340 Мне здесь воспеть об их редких, едва обитаемых селах?
Часто и ночь и день и целые месяцы сряду
Странствуют с стадом в пустынях, жилищ не имея,
Хижин не видя; степь как безбрежное море пред ними:
Лары, Пенаты, колчан, лук, псы, дом, чаши и утварь —
Все с пастухом Африканским кочует вместе в пустыне.
Так с тяжелою ношею Римлянин, горы и реки
Быстро протекший, пред изумленным вражеским станом
Знамя свое, неожиданный, смелой рукой водружает.

Иначе в Скифии, где Меотийское море, где Истер
350 Берег терзает, с пеною мчась по песку золотому;
Иначе там, где Родоп до оси земной протянулся:
Пастыри Севера держат в хлеву стада запертыми;
В поле трава показаться не смеет, древо без листьев;
Спит земля, безобразно глыбами снега и льдами
В семь локтей вышиною покрытая вечно и крепко;

- Там непрерывно зима, непрерывно холодные ветры,
Солнце бледных теней там никогда не сгоняет,
Кверху ль конями ведомое или спешащее быстро
Моря в багряных волнах омыть свою колесницу.
- 360 Реки текущие вмиг покрываются лдяной корою;
Вод на хребте колёса железные катятся с громом;
Где была корабельная пристань, там ночлег колесницам.
Медные хлад разрывает сосуды; одежда на теле
В лед превратилась, и рубят секирой замершие вина.
Тонкие блата, сжатые крепко зимой, отвердели;
И на браде безобразно всклокоченной смерзлися льдины.
Снег между тем большими клоками валит отовсюду;
Гибнут овцы, большие быки, засыпанны снегом,
Будто в могиле стоят, и елени, стадом стеснившись,
- 370 Оцепенели под тяжестью новой — чуть видны их роги.
Частые сети не нужны, чуткие псы бесполезны,
Красных перьев зверям для испуга ставить не надо:
Тщетно грудь пробить устремляются снежную гору;
Их ножами вблизи поражают и страшно ревущих
Колят; и с радостным воплем уносят поспешно в жилища.
Сами в изрытых ими подземных пещерах беспечно
Жизнь проводят и, пни к очагу прикатав пребольшие,
Целые дубы и вязы там заготовив сжигают;
Игры всю ночь и чаши радости с хмельным напитком,
- 380 Коим, заквасив его, заменяют сок виноградный.
Так под влияньем Большой Медведицы Гиперборейцы,
Дикие гор Рифейских народы живут, где восточный
Ветр и где их одежда желтые кожи овечьи.
- Хочешь ли тонкой волны? прочь колючий терновник от стада;
Прочь лопух и волчек; беги от пажитей жирных;
С белым и мягким руном выбирай овец для завода!
Сей прекрасный овен (хотя как снег белорунный),
Если черный язык под влажным небом имеет,
Должен быть удален: от него расплодятся в овчарне
- 390 Черные агнцы; в стадо легко нового выбрать.
Бог Аркадский (если тому поверить возможно)

Пан, белорунного образ овна приняв, о Диана!
В рощу тебя приглашал, и ты вяла его зову.

- Хочешь ли ты скоп млека увеличить? чижовник и лотос,
Солью посыпав, в хлев приноси своею рукою.
Соль возбуждает жажду, сосцы млеком наполняет;
Тонкий вкус сокрытой соли в млеке нам приятен.
Многие, малых козлят отняв от сосцов, с матерями
Их разлуча, надевают намордники с острым железом.
- 400 Утренний, также полдневный удой крав пахтают в масло,
Только что вечер наступит; вечерний же в чистых кувшинах
Рано поутру в корзине плетеной в город отвозят
Или, сыры посолив, к зиме пастухи сберегают.

- Псов неусыпных иметь пастуху не последнее дело:
Маленьких легких Спартанских и вместе горячих Молосских
Кислым жирным млеком насыщай; под их стражей надежной
В темную ночь загонам ни хищник, ни волка набегу,
Ни нападающий с тыла Иберец коварный не страшны.
- 410 Часто псами онагров бегущих преследовать можно;
Псами зайцев ловите, псами скачущих ланей;
Часто поднявши залегшего в тундрах лесистых кабана
Жарко с лаем тесните или с криком еленя
Роговетвистого с гор высоких вгоняйте в тенета.

- Хлев окурять, сожигая кедр благовонный и смолу;
Запах сей, нестерпимый для змий водяных, изгоняет
Под неподвижными яслями их гнездившихся долго.
Вот змий, коего страшно коснуться, испуганный светом,
В нору бежит! вот уж, вползая под кровлю привыкший,
Лютая язва быкам, овец отравляющий ядом,
- 420 Землю согрел! пастух, схвати или камень, иль палку....
Видишь, как он поднимается, как угрожает он свистом?
Бей, бей! вот уже скрыл он в подземную нору глубоко
В страхе главу от ударов, и хвост и средние кольца,
Камнем разбитые, медленно тащит туда за собою.
Есть в Калабрийских лесах чешуйчатый змий ядовитый;

- Он, пресмыкаясь, имеет главу, поднятую кверху;
Кажет и грудь и узорное чрево. Он рек при разливе
Вешней порою, когда оставляют обычное ложе
И затопляют поля, как дуют дождливые ветры,
430 В благах живет и, скитаясь по берегу, питается рыбой;
Жадный, ловит лягушек, которые квакают в тине.
Но от жара земле расседшейся, блатам иссохшим,
Он выходит на сушу и, ярко сверкая глазами,
Жаждой и зноем томимый, в поле ищет добычи.
Да не случится мне сладкой дремотой забыться на свежем
Воздухе или возлечь на траве под рошей в ту пору,
Как змий сей, одежду ветхую сбросив и кинув
Малых детей в гнезде и яйца, блещет на солнце
Новой своей чешуей и жалом своим троюгранным.
- 440 Днесь покажу и вину, и признаки болезней животных:
Овцы покрыты бывают нечистыми струпами, если
Хладный дождь до костей их проникнет или седые
Зимние мразы, если, волну сстригая, забудут
Вымыть их тело, если изъязвлены терном иглистым.
Вот для чего в текущей воде купают все стадо;
Взяв овна за влажную длинную шерсть, погружают
В бездну и вдоль реки заставляют пастыри плавать
Иль натирают тело обстриженных мазью из серы,
Из чемерицы, из серебряной пены, лука морского,
450 Черной смолы Идейской, из белого липкого воска,
И наконец все сие распушают с отстоем елея.
Но из всех целительных средств спасительней — сделать
Острым железом разрез и внутрь самой язвы проникнуть,
Где сокрыта болезнь и отколь разойдется по телу,
Если пастух, не врачуя, усилиться даст и развиться
Язве, богов об грозящей судьбе овцам вопрошая.
Даже тогда как болезнь до костей уж проникла, как ярость
Духом овец овладела и дрожь изнуряющий в членах,
Можно еще прервать воспаление, жилу рассекши
- 460 В нижнем составе ноги и кровь источая ручьями.
Способ целенья известный Бизальтам и грубым Гелонам,

Кои кочуют в Рифейских горах и в Гетских пустынях
Хладных, питаюсь с млеком растворенною конскою кровью.

Видишь ли овцу, которая часто ложится под тенью
Смирно, маковки трав срывает как бы поневоле,
Сзади едва за стадом бредет, средь поля ложится,
В хлев одиноко тащится медленно вечером поздним?
Смерть ей, смерть без пощады! иль разольется зараза
С страшной поспешностью между овец — и не будет спасенья!
470 Сколько сердитый вихрь воздымает волн на пучине,
Столько различных в стаде недугов! язва пределов
Летом не знает, везде пробегает быстро и губит
Стадо и стада надежду, и с корнем весь род истребляет.

Тот, кто прежде видел высокие Альпы, Норик
Светлые теремы, тот, кто видел Тимава,
Ныне после столь долгого времени бедствий увидит
Царство пастырей степью, долины и рощи пустыней.
Некогда там в согнившем воздухе язва возникла;
Длинная осень летним зноем тогда воспылала
480 И погубила и диких зверей и домашних животных;
Воду и воздух и землю она отравила.
Разные смерть избирала дороги: сначала по жилам
Жажды огонь пробегал и мучительно корчил все члены.
После смрадная влага их орошала, и кости,
Ядом растопленны, вместе одна с другою сливались.
Часто пред олтарем обвязанна белой повязкой
Жертва, к заклянью готовая, прежде чем непроворный
Жрец ножом успевал <ее> поразить, издыхала.
Если же скорый удар упреждал ее смерть и страданьям
490 Ставил конец, то священный нож и земля истощенной
Черною кровию жертвы едва-едва обагрались;
Внутренность жертв не дерзал вопрошать прорицатель, и храмы
Вечных богов стояли без жертв и без тучных курений.
Там быки умирали в лугах благовонных и тучных
Иль расставались с приятным дыханием жизни у яслей.

Псы, столь покорные, в бешенстве дух испускали, и свиньи
Гибли, зев стесня, перевесть не могли дыханья.

- Конь несчастливый забыл и дерн, и подвиги славы,
Где победителем мчался, и воды, в землю ногою
500 Бьет от страданья, склонил главу и уши повесил.
Хладным потом, предвестником смерти, покрытый, он сохнет,
Кожа на нем как кора жестка и груба осязанью.
В первые дни болезни заметны такие <приметы>;
Но с умноженьем недуга сильней становились припадки:
Ярко сверкали глаза; стеснялось дыханье, тяжелым
Стоном в груди задушенное; страшно от внутренней боли,
Тяжко вздымались бока; из ноздрей истекала густая
Черная кровь, и язык присыхал к иссохшей гортани.
Мнили, что влитый в горло из рога сок виноградный
510 Может один исцелить и избавить от смерти грозящей;
Скоро целенье сие соделалось пагубным: пламень
Винный разжег пожирающий недра их пламень, и кони
(Боги, от набожных глав отвратите к врагам заблужденье!)
В бешенстве злом раздирали зубами собственны члены.

- Вот под тяжелым плугом дымясь, изнурен, упадает
Вол и устами точит кровь, смешенную с пеной.....
Умер!.... товарищ его, опечаленный смертью брата,
Горький, бредет в свой загон, и за ним тоскующий пахарь,
Плуг, углубленный в земле недопаханной, бросив на ниве.
520 Тень высоких лесов, дерн мягкий лужаек веселых
Бодрости им возвратить не могут, так же, как с камней
Вьющийся чистый ручей как янтарь и струящийся в поле.
Впали бока их, подернулся туском взор неподвижный;
Собственной тяжестью главы к земле преклонились печально.

Что помогли им услуги и кротость? к чему послужила
Трудная в поле работа? им Массийские грозды,
Брашна искусственны быть не могли виною болезней;
Их обычная пища трава и древесные листья;
Их питье в течении быстром очищенны воды

- 530 Рек и ключей; их сладкого сна не тревожат заботы.
В это время, как нам повествуют, жители стран сих,
В честь Юноны праздник устроив, пару неровных
Буйволов вместо волов под дары запрягли в колесницу:
Там уж не плугами — заступом или ногтями,
Жалкие, землю орали; там не волы и не кони,
Но человеки возили воза и в ярмо запрягались.
Волк кровожадный уже не бродил вокруг овчарни,
Козни свои позабыв: другие заботы, другие
Думы его занимали; елени и робкие серны,
- 540 Между псами бродя, дивилися стоп непорворству.
Море от язвы чуд и рыб не укрыло, и волны
Их тела, как тела пловцов, от бури погибших,
Кинув на берег, омывали; тюлени в глубь укрывались
Против обычая; змии в излучины нор уползали
Тщетно; гидры, подъяв чешую и плывя, цепенели;
Воздух не более птиц защищал, и на быстром полете
Взвившись под тучи, падали, жизнь в высоте покидая.
- Пастыри тщетно бродят с стадами с места на место;
Тщетно врачей вопрошают; врачи умолкли пред язвой:
- 550 Сын Филицы Хирон и Меламп, сын Амифаона.
С мрачного берега Стикса на землю пришел, Тизифона
Бледная рыщет, гоня пред собою болезни и ужас —
И ежедневно подьмлет главу кровожадную выше.
Слыша в хлевах и лугах стон, вопль, рев, вздохи животных,
Берег, насупясь, стонает, сетуют лес и долина.
Уже толпами животных она повергла, и груди
Тел согнивали в хлевах, разливая запах зловонный;
Скоро их научились бросать в глубокие ямы;
Ибо не смели ни кожу обделать, ни внутренность вынуть;
- 560 Огонь и вода их не в силах очистить от яда заразы.
Горе тому, кто осмелился, выделав кожу иль выткав
Ткань из волны погибших от язвы, к ней прикасаться:
Скоро все тело его покрывалось струпом нечистым,
Хладною влагой, от коей убийственный запах гниения;
Скоро болезнь разливалась в костях и составах, и скоро
Огонь костоснедный один за другим пожирал его члены.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Соты душистые, дар небес пою драгоценный:
О Меценат, улыбнися пчел моих домоводству!
Я опишу здесь великие подвиги маленькой твари,
Чудную доблесть царик и устройство чудное царства;
Пчел трудолюбие, нравы, сраженья, и, если услышит
Феб златовласый и малодоступные боги дозволят:
То, чем скуднее предмет мой, тем большей покроюсь я славой!

- Первое, должны мы выбрать для ульев убежище, где бы
Доступа не было ветру; ветер и малый мешает
10 В улей с добычей пчелам возвращаться. В месте, где пчельник,
Коз, овец и телиц, цветы оскорбляющих в поле,
С них отрясающих росу и мнущих встающие травы,
Ты не терпи; с хребтом узорным ящериц пестрых
Прочь от ульев богатых. Также разного рода
Хищных птиц и особенно жолн и Прогну со грудью
Окровавленной; свирепые, пчел на лету они ловят,
В гнезда уносят — и варварский пир для птенцов учреждают.
Близ их жилищ ключи, пруды, зеленеючи мохом,
Видеть хочу иль смиренный ручей, по дерну бегущий.
20 Ход в пчельнике осени огромной оливой иль пальмой:
Чтоб весной, как царицы молодые из ячей выводят
Новый рой и юность, кружась, пожелает взять отдых,
Берег их приглашал укрыться в тени и густое
Древо к ним простирало гостеприимные ветви.
Пруд ли недвижимый стоит, иль ручей играет прозрачный,
Камней в него набросай, перекладыны сделай из ивы:
Чтоб рассеяны ветром или упавшие в воду
Пчелы могли обрести тут спасенье и крыльям обмокшим
Прежний их блеск возвратить, осуша их на солнце.
30 Да улыбается белый ландыш и льющий далеко
Тмин ароматы, чабер свой крепкий запах и сильный
Вкруг пчельника, и фиалка на склоне близ вод притаится.
Ульи свои выдалбливай ты из дуплистого древа
Или сплетай искусно из гибкой вербы покорной;

- Узкий вход в них оставь: зимою от стужи сжимаясь,
Мед твердеет, летом, растоплен, становится жидким.
То и другое для пчел равно неприятно и вредно.
С ревностью пчелы стремятся к скважине, сделанной в улье,
Воском, цветами ее залепляют и липкою мазью,
40 Ими на то хранимой; мазь сия в клейкости сходна
С славной смолою Фригийския Иды, каплющей с сосен.
Часто, ежели верить молве, рои под землею
Норы себе вырывали, и часто их находили
В трещинах скал и в дуплах от старости сгнивших деревьев.
Щели их ульев замазывай глиной и сделай теплее,
Трещины крова листьями древ покрой от ненастья.
Прочь неприятный и столь вредоносный им тис ненавистный;
Прочь очаги, на которых варятся красные раки,
Топкие блага и тундры, где запах смрадныя тины;
50 Прочь вертепы, где звонкое эхо вторит все звуки!

- Солнцу златому прогнавшему зиму под землю и с неба
Снова тепло пролившему к нам в лучах светозарных,
Пчелы, оставя душные ульи, летают по рощам,
Сок из алых цветов сосут и, скользя по кристаллу
Вод, насыщают жажду; с сладкой корыстью обратно
К юным пчелам возвращаются в улей и с хитрым искусством
Здание сотов там строят и мед образуют прозрачный.
Скоро увидишь, как, улей родительский кинув, под звезды
Рой молодой поднимается летом при ясной погоде,
60 Мчится, ветром несомый, как темная туча густая,
К ясным и сладким водам, к зеленым навесам деревьев:
Будь настороже; готовь им в приманку любимые снеди:
Мяту простую, серенгу, Melissa, измятую вместе:
Громко бряцай вокруг их в кимвал, посвященный Церере;
Пчелы опустятся скоро на запах твоих благовоний:
Скоро и сами вберутся по чувству врожденному в улей.

Но возгоревшейся между двумя царицами брани
(Ибо нередко раздор в сердцах их гнев раздувает!),
Задолго прежде, по духу пчел простых, по волнению

- 70 В улье задолго прежде битвы узнаешь об битве:
Пчел ленивых тогда возбуждают бранные звуки,
Сходные с звуками медной военной трубы совершенно.
Пчелы тогда в нетерпении толпятся, блистая крыльями,
Жало острят и мышцы, готовая в брань, расправляют.
Вкруг царицы и ставки ее охранители тесным
Сонмом обстали и громко врагов вызывают на битву.
В светлый вешний день в широкое поле эфира
Хлынуло войско из врат: все вдруг устремилось, и воздух
Весь восшумел; свернулись, клубятся в воздухе ясном;
- 80 Падают сверху: не чаще сыплется град, и не чаще
Падают желуди с дуба, когда обрывает их буря.
Расколыхавшейся брани, дружинам смешенн<ым>, не трудно
В сече цариц распознать по блестящей броне, по ударам;
Шагу одна не уступит другой, доколе теснима
Сильно одна изнеможет от ран и в бег обратится.
Но ратоборная буря, смятенье и бранные вопли,
Брошенной в ратников горсти песку, утихают мгновенно.

- Поле битвы царицам оставившим, ты, упреждая
В улье напрасную меда издержку, без всякой пощады
- 90 Смерти предай побежденную! жизнь принеси ее в жертву
Благу народа, поставь в опустелых чертогах царицей
Ту, которая право на власть купила победой.
Их распознаешь легко: одна блистает во злате,
А другая постыдно влачит безобразное чрево:
Царь и народ его свойствами сходны бывают.
Пчел два рода: одни безобразны и цветом подобны
Пыли, которую в зной из уст извергает засохших
Путник; другие светлым лоском покрыты; все тело
Златом усыпано блещет, и крылья их разноцветны.
- 100 Сей последний род пчел превосходен: ульи такие
Обогатят тебя медом прозрачным и сладким, который
Вин окислых вкус пременяет в сладкий и нежный.

Мало заметить, что рой своенравный, забыв домоводство,
Кров охладелый и в жалостном виде соты пустые,

- Праздний, играет под небом: долг твой поставить границы
Резвостям сим, оборвав у матки блестящие крылья.
Пчелы простые без матки смеют ли кров свой оставить?
Смеют ли вынести знамена и кинуть град без защиты?
Средство легчайшее их обуздать ты имеешь: цветами
- 110 Благоуханными пчельник, как сад, обсади; пусть шафранный
Запах их призывает обратно; да тамо с косою
Станет от птиц и хищников бодрый их охранитель:
Бог Геллеспонта Приап! кудрявый тмин да виется;
Сосны, с горы сошед, да обстанут пчельник; неусыпно
Сам растения сей и сам поливай их водою.
- Если б я не спешил, предел трудов моих видя,
Свить наконец паруса и пристать к желанному берегу,
Я бы воспел здесь сады, благовонную Флоры обитель,
Два раза в год цветущую пышную розу Пестума;
- 120 Я научил бы, как распускать цикорную зелень,
Влагой питая, как огурец огромное сделать,
Как лелеять нарцисс белоснежный, поздно цветущий,
Как заставлять акант и гедеру виться вокруг жердей,
Как разводить и садить в берега влюбленную мирту.
Помню, что я недалеко от башен высоких Тарента
Видел старца, который наследовал скудный участок,
Где не родились ни Вакховы грозды, ни класы Цереры;
Даже для стад не способное поле; вырвал он терны, удобрил
Землю; развел огород и цветник: закурилась лилея,
- 130 Мак заалел, и расцвел на грядах железняк кудреватый.
Старец мудрый с царем не сменялся бы скромным уделом:
В сумерки поздно с работы домой возвращаясь,
Трапезу он уставлял домашними брашнами; первый
Розы весной обонял и осенним плодом наслаждался;
Хладной рукою зима еще камни ломала, и воды
В твердый кристалл превращенны стояли, когда он аканта
Кудри уже подстригал. Об весне опоздавшей жалея —
Солнце, весну и зефилов умел заменять он искусством.
Рано роилися пчелы его, и рано он в ульях
- 140 Соты подрезывал; близь него и тюльпаны и сосны.

Сколько весною белых цветов он видел на древе,
Осенью столько оно без обманы плодов приносило.
Взрослые вяза в саду он ставил прямыми рядами;
Груша и слива лесная дивились плодам своим сладким;
Явор высокий, шатер свой раскинув, прохладу и негу
Старца гостям предлагал, под его пирующим сенью.
Но, стесненный в малом пространстве, я мимоходом
Слово сказал об садах, их другим описать оставляю.

- Ныне хочу исчислить пчел врожденные свойства;
150 Свойства, которые сам Зевс дал в награду за ревность,
С коей при сладких звуках Курет и звонкия меди
Пчелы питали владыку Олимпа в Диктейском вертепе.
Пчелы одни дают воспитание общее детям.
Улей есть город: все жители граждане; общие дома
В нем восковые; живут под законами, любят отчизну,
Каждая знает свою ячею; в летнюю пору
На зиму копят прилежно запасы в общественный закром.
Часть из них по уставу пищу для всех промышляет,
Рыская в поле; другая хитрое здание сотов
160 Строит; из липкой и светлой древесной смолы, из прозрачных
Слез нарцисса кладет основу; потом уж тягучий
Вешают воск; а третья часть занята воспитаньем
Юных червей, будущей царства надежды; иные
Мед чистейший сгущают, жидкий льют нектар в ячейки.
Пчел особая часть стоит на часах недреманно:
Ясность и мрачность небес наблюдают у входа, от ноши
Пчел облегчают усталых или, устрояся ратью,
Гонят без всякой пощады из улья трутней ленивых:
Дело горит, и соты тмином благоухают.
170 Так из огромных полос умягченных железа Циклопы
С ревностью скорой куют для Зевеса громовые стрелы:
Здесь раздувают меха, тут закаляют железо;
Там разожженный металл погружают в кипящую воду;
Тут ковачи раз в раз бьют сталь молотами;
Этна стонает, и эхо стоны далеко разносит.
Так (коль позволено сравнивать малые вещи с большими!)

- Пчел Аттических, где Цекропс был царем, увлекает
Страсть врожденная к меду; каждой особая должность:
Старость, смотритель над градом, лепит хитрые зданья;
180 Младость мчится усталая к ночи под кров свой родимый
С пылью тмина, дань собирает с бледной ракиты,
С ивы сребристой, с шафрана желтого, с липы богатой,
С белого ландыша и с гианцинта, железного цветом.
Вместе спора их работа, вместе прекрасен их отдых.
Утро наступит: хлынут из врат и крепко трудятся;
Вesper к покою сладкому вечером их приглашает;
С поля тогда возвращаясь, они укрепляются пищей;
Слышно глухое жужжанье, теснятся в вратах и на праже;
Но влетевшим им в улей, вскоре каждая терем
190 Свой займет отдельный: все утихнет и смолкнет.
Эврам подувшим, тучам дождем угрожающим, пчелы
Около дома летают, вдаль пуститься не смея.
В ближнем ручье для работы черпают воду; когда же
Путь пчеле совершить надобно в сильную бурю,
То, подражая пловцам искушенным, в ветер отважно
Мчится по темной бездне небесной с грузом песчаным.
Чудо едва вероятное: пчелы не ведают брака;
Пламень любви молодых и лучших их лет не сжигает;
В муках на свет детей не родят; но с древесных
200 Листьев червей собирая, себе их усыновляют,
Права гражданства дают, поставляют младую царицу,
Вводят ее в восковые чертоги — и все ей покорно.
Часто пчела повреждает крыло, ударяясь об камень,
Часто средь степи и дух испускает под тяжкою ношей:
Столько цветы и слава меда ей драгоценны!
Семь лет — век пчелы: едва мелькнет и — потухнет!
Но в поколении пчелы бессмертны, и в улье, в котором
Деды вкушали блаженство, вновь благоденствуют внуки.
Нет, Персияне, народы обширной Лидии, кою
210 Быстрый Гидасп орошает, Мидийцы меньше, чем пчелы,
Любят монархов! При жизни царицы ей верность и почесть;
После кончины — смятенье; сами казну расхищают;
Сами ломают чертоги; нет ни устройства, ни власти.
Матка душа всего улья, предмет и любви и почтения:

С страхом ей предстоят, провожают большою толпою;
Носят ее на своих раменах и, в сече кровавой
Грудью своею грудь царицы своей защищая,
Славные раны и славную смерть встречают бесстрашно.

- Многие, быв очарованы сими примерами дивных
220 Свойств их врожденных, хитростью зданий, любовью к порядку,
Мнили, что свыше божественный луч им ниспослан.
Бог, уверяют они, собою все наполняет:
Неба пространство бездонное, водные хляби и землю;
Бог содержит в себе человек и все, что живет и что дышет.
В свет лишь родится творенье — от Бога требует жизни;
Телу разрушенну — дух отлетает на небо обратно;
С смертью ничто не погибнет: смерть есть преобразование!

- Если захочешь ты похищать из тесного улья
Пчел сокровище, мед: окропи их теплою<sic!> водою
230 Прежде, и в дыме явись пчелам устранным.
Дважды в году наполнены соты их нектаром меда;
Дважды в году их подрезывать должно: тогда как из моря
Лик свой прекрасный покажет Тайгет, отодвинув с презреньем
Пенные воды морские стопой, и тогда как печальный
Сходит он в океан, померкнув, с зимнего неба.
Пчелы ужасны во мщеньи: нет ни пощады, ни мира!
Колет врага — и в ране и жало, и жизнь оставляет.
Грозной зиме держащей долго пчел в заточеньи,
Им истощившим лета запасы, печальным и бедным,
240 Будь сердоболен, не требуй с них дани в несчастное время:
Тмином окуривай ульи, подрезывай воск в них излишний.
Кто усомнится помочь и жалким и слабым сим тварям?
Часто моль, шмель, трутень ленивый и шашел гнездятся
В сотах пустых, и нередко паук <там> вешает сети.
Слава пчелам! чем врагов у них больше, опасность сильнее,
Тем неусыпней пекутся они исправить упадок,
Царство свое поддержать, и вскоре мы зрим с удивленьем
Зданий развалины вновь превращенны в чертоги и домы;
Житницы, прежде пустые, полны цветами, воском и медом.

- 250 Так же, как мы, пчелы подвержены разным болезням,
Так, как у нас, их болезни по разным известным припадкам
Можно заране узнать и принять надежные меры:
Пчелы больные немедленно цвет другой принимают,
Страшно худеют, трупы умерших с печальным обрядом
Вон выносят для погребенья; больные же пчелы
Улей оставить не смеют и смерти ждут равномерной
Или у прага висят, цепляясь одна за другую;
Мрачны, прискорбны, убиты болезнью, голодом и стужей.
Вдруг иногда жужжанье громкое пчел раздается:
- 260 Будто бы в роще страшный шепот с листьями ветра;
Будто бы шумный отлив всколыханного бурею моря;
Будто бы ропот огня, заключенного в тесном пространстве.
Время! спешу возратить пчелам их прежнюю бодрость:
Чаще пчельник свой окурай смолой благовонной,
Жидкий мед, налитый в тростник, предлагай им в сосудах;
Сам зови вкусить знакомой любимой их снеди
Пчел ослабевших; толки им орехи, сухие
Розы, грозный сок, виноград, на солнце сушеный,
Тмин ароматный и златотысячник с запахом крепким.
- 270 Есть в лужайках цветов, который пчелиной травой
В селах слывет; его отличить и найти меж цветами
Нет никакого труда: он вырастает высоко
Целою рощей цветов золотых из единого корня;
Злато листов ее многочисленных чернобагровый
Цвет фиалки, слабо блестя, по краям оттеняет.
Часто в гирляндах сей цвет украшает храмы бессмертных;
Вкус щекотя неприятно, имеет врачебную силу.
Корень душистый его сvari в вине и в сосудах
То драгоценное снадобье ставь пред отверстием улья.
- 280 Но для тех, у кого погибнут все пчелы и нет уж надежды
Род их восставить от бедных пчел, пощаженных заразой,
Я поспешу рассказать об открытии новом и дивном
Пастыря стад Аристея; открою средство из крови
Юных быков испорченной пчел возродить, и сначала
Все происшествие здесь опишу и подробно и ясно.

Царство счастливых Канопов Пеллийских, живущих в равнинах,
Кои в обширное озеро Нил претворяет, разлившись,
И принуждает в ладях испещренных плавать по нивам;
В областях, сме<ж>ных с Персом, вооруженным колчаном;
290 Там, где, зеленый Египет черною тиною удобрив,
Нил стремительно падает в море семью рукавами;
Даже от Нильских истоков, где росписные индейцы:
Все благодетельность дара сего превозносят хвалами.

Прежде всего избери для опытов сих небольшое
Место особое: сруб поставь и низкий и тесный,
Кровлюю крепкою сруб сей покрой и малые окна
В нем проруби к востоку, к западу, к северу, к югу.
Все изготовя, тельца двулетнего, роги крутые
Гордо извившего, в зданье введи и, жалость отбросив,
300 Пусть удушат его, несмотря на усилия тщетны;
Пусть бичами бьют по бокам его осторожно:
Ибо, коже на нем поврежденной, просядется чрево.
Там умершу ему, да положат труп на подсланных
Ветвях древесных; да свежую кассией, зеленью, тмином
Труп сей осыплют. Ранней весною делать сей опыт,
Только зефиры начнут чешуить серебристую воду,
Прежде чем синий луг заалееет цветами, и прежде
Чем, щербеча, гнездо прицепит ласточка к кровле.
Уже в костях растаявших, в чреве пролившемся виден
310 Рой безногих и странных животных: вот уж и ноги!
Вот пресмыкаются! вот, смотрите, неопытным крыльям
Робко себя поверяют! вот поднялся и слышен
Гул отдаленный, как к небу пущенные стрелы
Или как дождь, пролившийся крупными каплями шумно!
Музы, скажите виновника сих чудес и открытий!
Пастырь Темпейских долин Аристей, обладатель богатый
Стад и ульев бесчисленных, язве дохнувшей внезапно,
Зрел от заразы и глаза гибель всех пчел — и прискорбный,
С сердцем растерзанным бросился быстро к истоку Пеней....

- 320 Там он в слезах возопил: «О Кирена, о нежная мать!
 Зри, как несчастлив сын Аполлона, твой сын, о богиня!
 Или, тобою рожденный, я буду игральщиком рока?
 Мать! где ж любовь твоя к сыну? вспомни, как часто, лаская,
 Небо ты сыну не раз обещала... где же обеты?
 Богом надеясь быть, страдаю, как самый последний
 Смертный; что я изобрел, земледельцам и пастырям в пользу
 Все оставляю: славой забыт и матерью кинут!
 Мать, что же ты медлишь? Карай до конца без пощады!
 С корнем вырви мной насажденные рощи; враждебный
- 330 Пламень вноси в хлева, истреби и семя, и жатву;
 Грозды секирой сруби, коль ревнуешь ты к славе сыновней!»

Вопль несчастливца проник в глубину и в чертоги Кирены:

- В это время ее окружали Нимфы-подруги,
 Пряли милезскую волну, темно-зеленую цветом:
 Нежная Дрима, Ксанта, Лигея, Филодосея,
 Коей льняные кудри по белой вые струились.
 Талия, Спио, Незея, Кимадокея блистали;
 Там видна еще дева Цидиппа с золотыми волосами,
 В первый раз Ликорида узнавшая муки Луцины;
- 340 Клио с сестрою Бероей, обе они Океана
 Дщери, обе во злате и в пестрых кожах звериных.
 Там Эфира, Диопа; там, наконец, Аретуза,
 Только с рамен сложившая лук и колчан стрелоносный.
 Занятым им рукодельем, Климена повествовала
 Смелые хитрости Марса, тайные ковы Венеры,
 Тщетную ревность Вулкана, измены богов — и ей нимфы,
 Быстро вертя вретено, безмолвно внимали: вдруг вопли
 Слух поразили вторично..... Кирена смутилась, подруги
 Робко глядели одна на другую, бледны от страха;
- 350 Но Аретуза, нетерпеливо желая изведать, отколе
 Жалкие крики сии в их замок кристальный несутся,
 Вод на поверхность главу подняла и громко вскричала:
 «Ах, сестра..... не напрасен твой страх; здесь возлюбленный сын твой,
 Твой Аристей в слезах и бледный на бреге Пеней,
 Горько стоная, стоит и жестокость твою обвиняет».

- Вновь пораженная в сердце сими словами, Кирена:
«Сын мой, — вскричала, — введи<, введи> его к нам поскорее:
Сын мой доступ имеет в светлые дома бессмертных!
Воды, дайте дорогу сыну владычицы вашей!...»
- 360 С шумом раздвинулись воды в две стены из кристалла —
И в обширное лоно прияли сына богини.
Он с удивлением видит рождшей влажное царство:
Рощи, где эхо, пещеры, озера там запертые.
Вод оглушенный великим и бурным движеньем, он, дале
Шествуя, видит рек обширных истоки:
Место, из коего Фаз истекает с пеной и ревом;
Место, отколь устремляется Ликус, Энипий глубокий
В пропасть бросается смело; Тибр, напоющий влагой
Царственный Рим и тем горделивый; сению мирный,
- 370 Тихий Каик; дробящий об камни волны Гиппанис,
И Эридан, как телец с двумя золотыми рогами,
Всех быстрее в море бегущий меж нив плодоносных.

- После того как достиг Аристей подводных с висящим
Кровом чертогов, и после того как узнала Кирена
Скорби сыновней вину ничтожную, Нимфы-подруги
Воду на руки льют, отирая белой ширинкой,
Брашна готовы, вкусными винами полны покалы,
Жгут ароматные масти и травы, — и сыну Кирена:
«Сын мой! налей Меонийскую чашу вином драгоценным!
- 380 В честь Океана первая чаша сия! и с молитвой
К первой вине всех вещей, к Океану, к сестрам его Нимфам,
Сильным владычицам рек и лесов!» вещала — и трижды
С нектаром чашу на огонь возлила богиня — и трижды
Огонь восставал до свода чертогов, успех предвещаая.
Дух ободря, Кирена к сыну речь обратила:

«Есть в Карпатском море Протей прорицатель, который
Пастырем рыб огромных и чуд от Нептуна поставлен:
Он в колеснице на чудах морских по бездне лазурной
Мчится: он извлечет тебя из нещастья; он будет

- 390 Ныне в Паллену, в отчизну свою. Протея Тритоны,
Нимфы и самый древний и мощный Нерей уважают:
Ибо открыто пред ним все, что было, что есть и что будет.
Дар сей Нептуном Протею ниспослан в награду за верность,
С коей пасет безобразных дельфинов и чуд сего бога.
Сын мой любезный, Протея тебе спросить о причине
Гибели пчел: и он истолкует! но слезы и просьбы
Власти над ним не имеют, и силою только возможно
Старца сего принудить к ответу: жестокая крайность!
Узы и сила над сердцем жестоким, над хитрым коварством
- 400 Восторжествуют: в полдень, как дерн пожелтеет, как стадо
Ищет прохлады — и старец усталый в тайной ложнице
Сном глубоким заснет, я сама твоим провожатым
Буду; сама проведу тебя к старцу в пещеру: внезапно
Бросься, схвати и крепко свяжи ему вервием руки!
Будь осторожен и сметлив: он тотчас преобразится
В разных зверей и животных, разные виды примет:
Страшного вепря, лютого тигра, злого дракона,
Явится львом, ревущей водой, пламенем беглым;
Вдаль от тебя потечет иль с дымом к небу взовьется.
- 410 Ты же, чем больше он видов берет, тем связывай крепче.
Хладно, решительно жди, доколе старец упорный,
Видя худые успехи своих превращений, примет
Прежний свой образ, в котором спящий лежал он в пещере».

Рекши Климена сие, ароматными мастьями тело,
Влажной амврозией сыну главу умастила: и в членах
Новую бодрость и силу, а в духе жар и отвагу
Юноша чувствует. Есть вертеп обширный, изрытый
В каменных ребрах горы, к подножию коей в заливы,
Там извитые, ветры вгоняют пенные волны.

- 420 Прежде служило убежищем место сие мореходцам:
В сем обширном вертепе, задвинув оный скалою,
Дивный старец почует: и юноша там уж, и Нимфа,
Облаком скрывшись, вдали ожидала, невидима старцу.
Сириус, с жаром палящий Индейцев, явился в блистанье;
Небо все распалилось от солнца; был полдень: засохли

- В поле травы, пожранные зноем, безвлажное море
Рек иссушенных лучами кипело, когда для покоя
Старец, воды оставя, отшел в чертог свой обычный;
Чуды морские, киты и дельфины — граждане моря, —
430 Горькую влагу бросая кверху, его освежали:
И улег<л>и^лся вокруг его, распростершись на бреге.
Уже как пастырь заботливый, видевший рыщуца волка,
Стадо свое при сияньи вечерней звезды поверяет,
Сев на холме, и потом в хлев гонит: так старец огромных
Чуд своей паствы счел, опочил — и чуды заснули.
Вдруг Аристей, с трудом стерпевший, чтоб старец усталый
Члены свои разбросал, схватил его с криком — и руки
Вервием крепким связал: Протей не забыл ухищрений;
К ним он прибегнул тотчас как к средству спастись, и мгновенно
440 Разные образы принял, чтоб утратить Аристея:
В огонь превратился, львом зарыкал, заревел водопадом.
Тщетно все было, и старец, признав себя побежденным,
Образ приял человека и с гневом рек Аристею:
«Юноша дерзкий! как ты осмелился сон мой нарушить?
Кто указал тебе путь, и чего ты желаешь, безумец?» —
«Сам ты знаешь вину моих потерь и прихода! —
Смело на то Аристей, — в книге судеб ты читаешь.
Воле богов повинуюсь, я пришел спросить о потере
Пчел моих..... мне совета не дав, не получишь свободы!»
450 Уже пророк, скрежеща зубами, в боренье с собою,
Ярко сверкнув очами, изрек, судьбу разрешая:

«Боги безвинно гнев изливать на смертных не могут,
Гибель пчелам ты навлек преступленьем великим, и боги
Мстят тебе за Орфея несчастного: он тебя гонит!
Казнь не равна преступленью: судьбы тебя защищают.
В роще однажды преследовал ты его Эвридику....
Робко по берегу бежав, в цветах не видала,
Как наступила на змия.... он ужалил ей ногу....
Яд в крови разлился, и смерть ей вежды сомкнула!
Нимфы, подруги ее, наполняли холмы и доли
Стоном и воплем. Горы Фракийские с ними стонали;

- Эбр возрыдал, и Родоп задрожал, пораженный сей вестью.
Верный Орфей бродил по горным ущельям и лирой
Горесть свою услаждал; тебя, о милая сердца,
Пел он, как день наставал, и тебя же, как ночь наступала!
Но, от тоски и слез полумертвый, любовник решился
В Таргар бездонный сойти, проникнуть в дремучие рощи,
В ужас Плутонова мрачного царства, предстать ко престолу
Грозному адского бога, к пощады не знающим Паркам.
- 470 Сладкие звуки Орфеевой лиры весь ад всколебали:
Жители Таргара — бледные призраки, тощие тени,
В большем числе слетелись к нему, чем, бурю почуя,
Птиц станицы слетаются вечером в частую рощу.
Матери, мужи, герои, свершившие с славой блестящей
Поприще трудное жизни, младенцы, безбрачные девы,
Дети, на сруб пред очами родителей их положенны:
Жертвы, коих спящий Коцит, тростником безобразным,
Черною смрадною тинной поросший, и Стикс непроходный,
Девятикратно вокруг ада обтекший, от нас отделяет.
- 480 Томно играя на лире, Орфей весь Таргар восхитил:
Цербер триглавый, страшные зевы разинув, не лаял;
Синие змии, вьясь на главах Эвменид, не шипели,
И не катилось, о чудо! тогда колесо Иксиона.
И в торжестве Орфей возвращался: за ним Эвридика,
Ада богиней ему возвращенная с строгим заветом
Быть терпеливу, не видеть ее до возврата на землю.
Им повевал уже воздух земли; но безумная слабость!
Свету, блеснувшему с неба, при выходе самом из бездны,
Долго боровшийся с сердцем, тут позабыл все обеты....
Стал..... оглянулся..... все для него невозвратно погибло!
Бесчеловечный Плутон возвратил добычу, и трижды
С хохотом ад всплескал. Эвридика вскричала:

«Кто погубил нас обоих, Орфей! почто нетерпенье?
Рок отзывает вторично меня, и я чувствую..... тмяся
Вежды мои, тяготея; напрасно ищущу тебя, милый!
Руки к тебе простираю; ночь вокруг меня, и отверзлась

Адская бездна..... прости, незабвенный!» — И дымом на воздух
Легким прочь от супруга в противный путь полетела.

- Тщетно Орфей ее кличет, тщетно стремится за нею;
1500 Тщетно желает ее удержать: он тень лишь объемлет.
Скоро и тени не взвидел; жалости чуждый, угрюмый
Кормчий Харон запретил ему приближаться ко Стиксу.
Что предпринять потерявшему два раза милую сердца?
Чем облегчить свою участь? кого умолять об возврате
Стикс вторично преплывшей, бесценной его Эвридики?
Нам повествуют, что сей несчастливец на бреге Стримона
В тесной пещере семь месяцев слезы лил непрерывно;
Лирой тоску услаждая, смягчал ледяные утесы;
Глас его тигров смирял и двигал деревья и камни.
510 Так Филомела унылая, в роще тоскуя под сенью
Дуба об милых птенцах, не успевших еще опериться,
Из родного гнезда похищенных злым птицеловом,
Сидя ночью на ветви, сладко стонает, и окрест
Горы, брега, утесы и рощи с нею стонают.
С этой поры он не знал ни любви, ни уз Гименея;
Смутный, прискорбный душой, одинокий, по льдам Танаиса,
В Гиперборейских снегах и в инистых рощах Рифея
Мрачный страдалец скитался, тоскуя об друге погибшем
И проклиная адскую хитрость адского бога.
520 Верный супруг и по смерти, погиб он верности жертвой,
В праздники Оргий свирепо растерзанный жрицами Вакха,
Кои за то, что презрел он их ласки, в неистовстве зверском
Хмеля и мести на части его разорвали — и члены
Бросили в Эбр: глава песнопевца всплыла на поверхность.....
Оледенелый язык еще лепетал: Эвридика!
Горное эхо печально твердило за ним: Эвридика!»

Кончил Протей и мгновенно бросился в глубь Океана:
Там, где упал он, вода над главой закружилась с пеной.

«Сын! — сказала Кирена боязнью объятому, — ныне
Можешь ты страх отложить и сердце свое успокоить;

Ныне мы знаем вину твоих бедствий; жертвами должно
Гнев умягчить мстительных Нимф, подруг Эвридики,
Гибелью пчел поразивших. С сердцем смиренным, с мольбою
Ты принеси им дары и проси, да смягчатся богини;
Да преступленье простят и грозное мщенье забудут...
Но расскажу об обрядах, кои соблюшь ты обязан.
Лучших четыре быка из стад, на Лицее пасомых,
Ты избери и столько ж телиц равнолетних.
В храме богинь четыре создай олтаря возвышенных;
540 Жертвы на них возложи, заколи и спрысни их кровью.
Трупы быков положи на цветах средь рощи священной:
Жди там девятой Авроры; сей облеснувшей вселенну,
В жертву Орфею, коего бед ты виновник,
Мак об забвеньи минувшего ты принесешь, умоляя.
В честь Эвридики его ты заколешь телицу, и с нею
Черную овцу. Сим обрядом свершенным, вступишь ты в рощу.

Скоро пастырь спешит по ее наставленью исполнить:
Входит во храм, четыре в нем олтаря воздвигает,
Юных и тучных быков выбирает из стада для жертвы,
550 Юных телиц безъяремных заклал и дождался, как в блеске
Алом Аврора девятая с ложа восстала: Орфею
Жертву принес — и войти поспешает в священную рощу.
Входит, и чудное зрелище его поразило: <sic!>
Чрево быков кипело пчелами, которые с шумом,
С резким жужжаньем взлетели на воздух, как темная туча,
Робкие крылья свои испытали и скоро, уставши,
Древ на ветвях повисли, как крупные ягоды грозда.

Так земледелие, пчел домовитых, стада и деревья
Пел я в то славное время, как Цесарь великий громами
560 В брани Евфрат поражал; победитель, народам законы
Вождь сей давал — и путь к Олимпу прокладывал новый:
Я тот Вергилий, который тогда наслаждался беседой
Муз в Партенопее приятном<sic!>, совсем не мечтая о славе;
Я тот, который с сладкой беспечною в летах цветущих
Пел пастухов и тебя, о Титир! под тению бука.

Литература

1. Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиографический указатель / сост. Е.В. Свиясов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 400 с.
2. Балакин А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. 2-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Пальмира, 2022. 377 с.
3. Балакин А.Ю. Неизвестная рукопись ранней редакции сатиры А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» // *Slavica Revalensia*. 2018. Т. 5. С. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.22601/SR.2018.05.02>
4. Балакин А.Ю. Списки сатиры А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб.: Наука, 2007. С. 189–208.
5. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999–.
6. История русской переводной художественной литературы 1800–1825: Очерки / отв. ред. В.Е. Багно, Е.Е. Дмитриева, М.Ю. Коренева. СПб.: Нестор-История, 2022. 712 с.
7. Колбасин Е.Я. Литературные деятели прежнего времени. СПб.: Изд. А.И. Давыдов, 1859. 292 с.
8. «Мы столько прожили с тобой на свете...»: Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг.: в 2 т. Томск: Томский ун-т, 2021.
9. Никитина Д. Источниковедческие проблемы изучения биографии и творчества А.Ф. Воейкова // Летняя школа по русской литературе. 2022. № 3–4. С. 249–266. DOI: 10.48612/sum-2022-18-3-4-249-266
10. Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. 912 с.
11. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. 527 с.
12. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. 672 с.
13. Симанков В. «Вестник Европы» (1802–1810): Источники переводов, авторство анонимных и псевдонимных текстов. Материалы к каталогу // Пушкинские чтения в Тарту. 6. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2020. Вып. 2: Пушкинская эпоха. С. 272–362. (*Acta Slavica Estonica*. XII)
14. Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1885. Вып. 7. 648 с.
15. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829 / Hrsg., komm. von Holger Siegel. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012. 712 S.
16. Burgi R. A History of the Russian Hexameter. Hamden, Conn.: The Shoe String Press, 1954. 208 p.

Research Article and Publication of Archival Documents

***Georgics* by Virgil, translated by A.F. Voeikov: History of Creation and Oblivion**

© 2023. Alexey Yu. Balakin

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article reconstructs three stages of A.F. Voeikov’s translation of *Georgics* by Virgil, undertaken by him “in competition” with the translations of the ancient epic poetry of A.F. Merzlyakov and N.I. Gnedich. Initially (around 1813), Voeikov translated the Latin poet in iambic 6-foot with cross-rhyming, largely focusing on the French translation of Jacques Delisle (1769), which was considered “exemplary.” But under the influence of S.S. Uvarov’s “polemics about hexameters,” Voeikov joined the winning point of view — about the priority of the transmission of the ancient epic by Russian dactylic hexameter, and reworked his translation, counting on success and imperial favor, similar to those that Gnedich’s *Iliad* won. But despite the intermediary efforts of V.A. Zhukovsky, Voeikov did not receive any royal favor. At the end of the 1810s for the third time he radically changes the strategy of his translation of *Georgics*, striving for equilinearity and refusing to look back at Delisle’s experience. This last edition is published from the archival manuscript in the Appendix to this work for the first time.

Keywords: poetic translations, Russian hexameter, Virgil’s *Georgics*, A.F. Voeikov, J. Delisle, S.S. Uvarov.

Information about the author: Aleksey Yu. Balakin — PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7194-5461>

E-mail: balakin@inbox.ru

For citation: Balakin, A.Yu. “*Georgics* by Virgil, translated by A.F. Voeikov: History of Creation and Oblivion.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (29), 2023, pp. 8–90. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2023-29-8-90>

References

1. *Antichnaia poeziia v russkikh perevodakh XVIII–XX vv.: Bibliograficheskii ukazatel'* [*Ancient Poetry in Russian Translations of the 18th–20th Centuries: Bibliographic Index*], comp. E. V. Sviiaiov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998. 400 p. (In Russ.)
2. Balakin, A.Iu. *Blizko k tekstu: Razyskaniia i predpolozheniia* [*Close to Text: Inquiries and Conjectures*]. 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, Moscow, Pal'mira Publ., 2022. 377 p. (In Russ.)
3. Balakin, A.Iu. “Neizvestnaia rukopis' rannei redaktsii satiry A.F. Voieikova ‘Dom sumasshedshikh’.” [“Unknown Manuscript of the Early Edition of the Satire by A.F. Voieikov ‘House of the Mad’.”]. *Slavica Revalensia*, vol. 5, 2018, pp. 41–61. DOI: <https://doi.org/10.22601/SR.2018.05.02> (In Russ.)
4. Balakin, A.Iu. “Spiski satiry A.F. Voieikova ‘Dom sumasshedshikh’ v Rukopisnom otdela Pushkinskogo Doma” [“Copies of Satire by A.F. Voieikov ‘House of Madmen’ in the Manuscript Department of the Pushkin House”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody* [*Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2003–2004*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 189–208. (In Russ.)
5. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [*Complete Works and Letters: in 20 vols.*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999–. (In Russ.)
6. Bagno, V.E., E.E. Dmitrieva, and M.Iu. Koreneva, editors. *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury 1800–1825: Ocherki* [*History of Russian translated fiction 1800–1825: Essays*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2022. 712 p. (In Russ.)
7. Kolbasin, E.Ia. *Literaturnye deiateli prezhnego vremeni* [*Literary Figures of the Past*]. St. Petersburg, A.I. Davydov Publ., 1859. 292 p. (In Russ.)
8. “My stol'ko pozhili s toboi na svete...”: *Perepiska P.A. Viazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.: v 2 t.* [“We Have Lived so Much with you in the World...”: *Correspondence between P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky in 1807–1852: in 2 vols.*]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2021. (In Russ.)
9. Nikitina, D. “Istochnikovedcheskie problemy izucheniia biografii i tvorchestva A.F. Voieikova” [“The Source Study Problems of Research the Biography and Creative Works of A.F. Voieikov”]. *Letniia shkola po russkoi literature*, no. 3–4, 2022, pp. 249–266. DOI: 10.48612/sum-2022-18-3-4-249-266 (In Russ.)
10. *Poety 1790–1810-kh godov* [*Poets of the 1790s–1810s*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1971. 912 p. (In Russ.)
11. *Pushkin v prizhiznennoi kritike. 1820–1827* [*Pushkin in Lifetime Criticism. 1820–1827*]. 2nd ed., rev. and enl. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center in St. Petersburg Publ., 2001. 527 p. (In Russ.)
12. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [*Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary*], vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. 672 p. (In Russ.)

13. Simankov, V. “‘Vestnik Evropy’ (1802–1810): Istochniki perevodov, avtorstvo anonimnykh i psevdonimnykh tekstov. Materialy k katalogu” [“Vestnik Evropy (1802–1810): Literary Sources & Authorship of Anonymous or Pseudonymous Texts (A Supplement to the Catalogue)”]. *Pushkinskie chteniia v Tartu. 6* [*Pushkin Readings in Tartu. 6*], issue 2: Pushkinskaia epokha [Pushkin Era]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2020, pp. 272–362. (Acta Slavica Estonica. XII) (In Russ.)

14. Sukhomlinov, M.I. *Istoriia Rossiiskoi akademii* [*History of the Russian Academy*], issue 7. St. Petersburg, Tipografiia imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1885. 648 p. (In Russ.)

15. *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802–1829*, Hrsg., komm. von Holger Siegel. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 2012. 712 S. (In German)

16. Burgi, Richard. *A History of the Russian Hexameter*. Hamden, Conn., The Shoe String Press, 1954. 208 p. (In English)

Addendum. Publius Vergilius Maro. *Georgics*. Translation by A.F. Voeikov.
Prepared for the publication by A. Balakin and V. Zeltchenko

Статья поступила в редакцию: 06.06.2023
Одобрена после рецензирования: 20.06.2023
Дата публикации: 25.09.2023

The article was submitted: 06.06.2023
Approved after reviewing: 20.06.2023
Date of publication: 25.09.2023